

Сергей Кузичкин

Откос

*Продолжение. Начало в «ДиН»
№№ 2, 4/2024, 2/2025*

Путевой обходчик Предчувствовать и видеть

*По жизни, как и по горе, спускаются очень
быстро, зато поднимаются — очень долго.*
Ги де Мопассан, французский писатель

I.

Пассажирский поезд номер два Москва — Владивосток прибывал на второй от перрона путь, когда обходчик вышел из дверей конторы станции. Сегодня, как и несколько дней до этого, он начинал обход своего участка не как обычно — из дома и с первыми проблесками рассвета, а из конторы станции и уже ближе к девяти часам утра. Причиной этому были планёрки-собрания всех заступающих на утреннюю смену работников станции, куда приглашали обходчика и его мастера из службы путевого хозяйства.

Должность путевого обходчика относилась к службе содержания пути, контора которой располагалась за железнодорожным вокзалом, но поскольку движение поездов зависело от состояния пути, в отделении железной дороги решили, что обходчик будет делать ежедневный отчёт и руководству станции, и мастеру путейской части. Для этого в старом здании вокзала, которое десять лет назад полностью передало службе движения, переведя туда контору станции, один кабинет выделили для мастера путейцев. После того как обходчик возвращался с участка, он докладывал о том, что видел, своему мастеру, вместе они составляли письменный отчёт и шли с ним к начальнику станции или его заместителю, а в выходные и праздничные дни — к дежурному инженеру службы движения, находившемуся неотлучно в конторе станции. Если нужно было на что-то обратить особое внимание, начальник станции, его заместитель или дежурный инженер связывались с ответственными за движение поездов и принимали необходимые меры.

Начало мая 1975 года оказалось богатым на выходные. Первые два праздничных дня выпадали на четверг и пятницу, и большинство труженников страны отдыхали от работы на производстве

четыре дня подряд. День Победы — девятое мая — пришёлся на пятницу, поэтому и на следующей неделе было три выходных.

Дни эти были выходными и для работников путевого хозяйства, но некоторые, как выразился мастер, частенько дежуривший с обходчиком, «отдыхали их вполсилы». Под этим имелся в виду приказ начальника службы пути, согласно которому был составлен список монтеров, бригадиров и мастеров, обязанных в выходные дни неотлучно находиться дома, не злоупотреблять спиртным, а по возможности совсем не пить вино и водку, и если будет нужно, то по первому звонку или приходу к ним посыльного быть готовыми выехать на работу. Такое случалось, если на каком-нибудь участке в праздничные дни обнаруживали неисправность пути или, не дай Бог, происходила авария.

В первые девять дней мая 1975 года аварий на тайшетградском участке Транссибирской магистрали не случилось и неисправностей железнодорожного пути обнаружено не было. Однако все выходные и праздничные дни начала мая в конторе станции проводились перед дневной и ночной сменами собрания-планёрки, где большое внимание уделялось безопасности на железнодорожном транспорте, и на всех этих собраниях обходчику полагалось быть.

Служба движения поездов работала по своему сменному графику, невзирая на всеобщие выходные. Но смены менялись, и на планёрках-собраниях обходчик каждый раз видел других людей. Менялись и его начальники — мастера, принимавшие его отчёт по выходным. Они, в отличие от дежурных инженеров — работников станции, не находились в конторе постоянно, а приходили по возвращении с участка обходчика. Чаще всего обходчик, вернувшись, докладывал о своём приходе дежурному инженеру, и тот звонил мастеру. Мастера, как правило, жили недалеко от вокзала, на Вокзальной или Транспортной улицах, и приходили на станцию в течение пятнадцати-двадцати минут после звонка дежурного.

И только обходчика никто не подменял и не заменял ни в праздничные, ни в какие другие дни, и он каждый раз, если ему наказывали, приходил на планёрки-собрания перед выходом на участок.

Вот и сегодня, десятого мая 1975 года, в субботу, он вышел на обход своего участка Транссибирской железнодорожной магистрали после того, как собрание и инструктаж по технике безопасности закончились.

Скорый поезд номер два стоял на станции три минуты. Обходчик заметил, что за это время никто из поезда, кроме проводников, не вышел, а несколько отъезжающих пассажиров успели добежать до своих вагонов и занять указанные в билетах места.

Обходчик дошёл до конца перрона и, обернувшись, проводил уходящий на восток поезд. Солнце уже поднялось высоко и, продвинувшись к югу, светило и пригревало теперь с левой стороны. Обходчик прошёл старые вагонные мастерские и вышел на тропку, протоптанную вдоль пути, ведущую к западному поезду.

2.

Ещё десять лет назад в черте города было три переезда. Западный и немного южнее его, у ветки, ведущей на Абакан, остались, а вот на месте много лет существовавшего восточного переезда теперь построили тоннель. И хотя участок, где прокладывали проезд под железной дорогой, был не его, обходчик часто проходил в том месте. Останавливался, смотрел, как идут строительные работы, а потом шёл дальше вдоль железной дороги, к заросшему теперь камышами бывшему озеру. Рыбу там он уже не ловил, но, дойдя до забора шпалопропиточного завода, сворачивал с железнодорожного пути к очистным сооружениям, а потом к оставшейся от озера запруде — большой заболоченной луже с несколькими чернеющими островками, пропитанными креозотом. На чёрных, отливающих синими и зелёными пятнами островках не росли даже камыши. Обмелевший ручей Крутенький, впадая в это место, покрывался, как заражённый проказой, болячками — радужными пятнами — и уносил недоочищенный креозот из этой лужи-болота, ныряя под деревянный мост, проложенный через бывшую Харинскую улицу, ныне называемую именем космонавта Гагарина. Ручей, сверкая на солнце сине-зелёными пятнами, бежал дальше по низинке, мимо огородов, кустарников, совхозных полей и перелесков, к Грибановой горе, чтобы там, под горой, названной по фамилии владельца бывшей заимки, слиться с другим бегущим из тайги ручьём и растворить в нём себя и свою язву.

С некоторых пор на географических картах района таёжный ручей, в который впадал Крутенький, обозначался как мелководная речка Акульшетка. Рассматривая географические карты и карту Восточно-Сибирской железной дороги, а также читая газеты — областные и свою районно-городскую, обходчик узнавал из них о сменах привычных

для него названий населённых пунктов. Он немало удивился, прочитав о том, что так хорошо знакомое ему много лет село Окульшет теперь называется Акульшет.

К семидесятым годам двадцатого столетия Тайшетград окружали уже три Акульшета. Бывший Окульшет стал обозначаться как Старый Акульшет, на восточном выезде из города появился посёлок Новый Акульшет, а на северной железнодорожной ветке, идущей к Братску, Усть-Илиму и Усть-Куту, — станция Акульшет. По какому-то из этих Акульшетов и получил название ручей, обозначаемый теперь речкой. Перемена в названии коснулась и родного села обходчика. Баеру стали обозначать на картах и в официальных документах как Байроновку. Село Байроновка значительно уменьшилось, после того как большинство его жителей, с развитием Тайшетграда и образованием в городе новых предприятий, перебралось жить и работать в районный центр. Да и селом Баера быть перестала. В послевоенные годы её официально называли деревней. В начале семидесятых годов на высокой Байроновской горе была сооружена башня-антенна, охватывающая телевещанием весь Тайшетградский район, но это не дало нового импульса развитию Байроновки. Она осталась деревней.

Название «Байроновка» получил и остановочный пункт электропоездов у села Николаевка, километрах в двадцати восточнее деревни Байроновка, а также таёжный ручей, протекающий по Николаевке и добгающий до бывшей Баеры (тоже переименованный в мелководную речку). И теперь жители села Николаевка на речке Байроновка уезжали из дома на электропоездах и возвращались обратно к себе на станцию Байроновка. Когда же в Николаевке образовали совхоз «Байроновский», а затем и леспромхоз с таким же названием, многие жители района оказались в растерянности, не зная, как правильно именовать теперь этот населённый пункт. Подавляющее большинство стало называть станцию, а заодно и всё село, Байроновкой, однако представители местной сельской власти и преподаватели Николаевской средней школы дружно отстаивали название Николаевка, подчёркивая это при любом удобном случае.

Отстаивали свою Байроновку и жители бывшего села Баеры. Новое, выросшее при советской власти, поколение билось (порой в прямом смысле дело доходило до драки) за то, чтобы Байроновкой называлась только их деревня, а Николаевка даже не смела произносить это название по отношению к себе. Но тем не менее на здании у железной дороги в селе Николаевка крупными буквами было написано: «Ст. Байроновка», — а чуть ниже и мельче: «Восточно-Сибирской железной дороги».

Обходчику иногда хотелось узнать фамилии и имена тех людей, что давали названия

населённым пунктам, и всегда горел он желанием заглянуть в глаза тому, видимо, интересному по своей натуре человеку, что переименовал его родную Баеру в Байроновку, назвав так же ручей и остановочный пункт в Николаевке.

Название остановочного пункта электропоездов в Николаевке, крупно написанное на здании станции, ставило в тупик людей с высшим и средним специальным образованием, проезжающих мимо него в поездах дальнего следования. Некоторые связывали название с английским поэтом Байроном. Они делали свои выводы, строили гипотезы, пытаясь ответить на вопрос: почему сибирская таёжная станция носит имя классика мировой литературы? Обходчик даже слышал версию о том, что во времена, когда в России ещё не было железных дорог, лорд Байрон, путешествуя на лошадях, по пути к Тихому океану сделал остановку в этом селе. Но это было не так. Обходчик читал много книг и знал, что английский поэт Байрон любил путешествовать по свету, но никогда не был в России, а о том, что есть какая-то Сибирь, он может быть, даже и не знал и не слышал ни разу за свою короткую жизнь. Скорее всего, после Гражданской войны топографические карты их местности составлял человек, хорошо знакомый с произведениями мировой литературы, но лишённый фантазии. Видимо, он, родившийся далеко от этих мест, наткнувшись на название «Баера», решил продемонстрировать свою эрудицию и внёс поправочку, которая распространилась и на протекающую по селу речушку. Не задумываясь о последствиях. Хотя никаких последствий-то и не было. Так поступал, видимо, не он один.

Наверняка не один человек утверждал и названия улиц в Тайшетграде, почему-то называя улицы именно так, и не иначе. В результате вышло, что одна из улиц имеет два названия. Проходит она как раз под тоннелем. С северной части до тоннеля именуется в честь полководца Суворова, а за тоннелем, с южной стороны, по фамилии поэта Пушкина.

«А как она называется под самим тоннелем? — думал иногда, посмеиваясь, обходчик. — Наверное, Тоннельная или Подрельсовая?»

3.

Западный переезд стоит на откосе, к которому ведёт автомобильная дорога, соединяющая северную часть города с южной. Лет пятнадцать назад вместо деревянной будки дежурного по переезду, здесь была сооружена кирпичная. Как и большинство подобных ей будок на железнодорожных переездах страны, она белела теперь у западного переезда Тайшетграда и была видна издали.

Обходчик поздоровался с дежурной — пятидесятилетней женщиной по имени Маруся. Маруся жила рядом, в трёхквартирном доме, стоявшем

внизу, под откосом, метрах в пятидесяти от переезда. Муж Маруси, литовец Йозас, рабочий на станции, занимался теперь тем, что в своё время делал отец обходчика: зимой убирал снег на перроне и виадуке, летом подметал привокзальную территорию.

Окна квартиры, где жили Йозас и Маруся, смотрели на откос и железную дорогу, и когда Йозас замечал у переезда обходчика, всегда выходил на крыльцо, приветливо махал и приглашал заглянуть на чашечку чаю.

— Потём, друк, чай палаваться. Успешь находиться... — говорил Йозас, добродушно улыбаясь и протягивая ему обе руки.

Обходчик, бывало, соглашался и заходил. Случалось это в год раза по три-четыре, а то и больше. Йозас всегда усаживал гостя на одно и то же место — на табуретку за кухонным столом, справа от окна, с видом на переезд и проходившие на запад поезда. Пока обходчик пил чай и разговаривал с хозяевами, поезда пронеслись мимо, и у него возникало чувство, что они мчатся прямо на дом и вот-вот пролетят над его головой. Когда он в первый раз оказался у окна в квартире Йозаса и Маруси, появление предсказуемого им поезда на переезде, с долгим гудком и простукиванием железных колёс на стыках рельсов, напугало его. Он инстинктивно наклонил к столу голову, как будто собрался пригнуться, чем вызвал усмешку на лице Йозаса.

Обходчик улыбнулся в ответ и спросил хозяина, не бывает ли ему страшно от мысли, что если вдруг соскочит электровоз с рельсов, то покатаются вагоны прямо на дом.

— Билё дэлё, я тож думаль об этом сначала, а потом привыкль... — сказал, продолжая улыбаться, Йозас. — Нэ брацай внимань тэпэль. Двадцать лэть живёмь туть... Привыкль... Нэ соскочить вагонь с рэльс. Рэльс крепко стоять. Поэзд крепко идёть по рэльс... Нэ упадэть.

Йозас после войны десять лет отбывал срок в лагере для политзаключённых. Обходчик в душу литовца не лез и ни о чём его не расспрашивал, но он слышал, что осудили Йозаса за связь с «лесными братьями», сражающимися против советской власти в Прибалтике, и, по слухам, за сотрудничество с немцами во время Великой Отечественной войны. Глядя на этого полного добродушного человека, всегда ходившего на работу пешком вдоль железной дороги с метлой или лопатой на плече, обходчик не мог представить его с автоматом или винтовкой, поверить в то, что он был способен стрелять в людей.

После освобождения домой, в Литву, Йозас не поехал, остался в Сибири, устроился работать на станцию, где и познакомился с дежурной по переезду Марусей. У них родились две дочери. Одна, Наталья, живёт сейчас отдельно своей семьёй,

вторая, Светлана, учится в Иркутске, в техникуме торговли, и приезжает к родителям только на каникулы.

Окружающие Тайшетград и появившиеся рядом с сёлами и посёлками до Великой Отечественной войны и сразу после войны лагеря для заключённых по уголовным и политическим делам — особая страница в истории района. В конце тридцатых годов в городе было создано управление лагерями, а после войны — ещё одно. Во второй половине сороковых старые и вновь образованные лагеря стали пополняться большим количеством заключённых. Из Западной Украины и Белоруссии привозили воевавших против советской власти «бандеровцев», из Прибалтики — «лесных братьев». Особым презрением населения района были отмечены так называемые «власовцы» — бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, добровольно согласившиеся воевать на стороне захватчиков.

— Я бы этих без разбору к стенке ставил, — говорил в то время мастер пути Александр Михайлович, фронтовик, получивший тяжёлое ранение в ногу при освобождении Будапешта и теперь прихрамывающий. Брат его, тоже железнодорожник, погиб в боях под Курском. — В какой-то степени я даже могу понять западных украинцев и прибалтов. У многих из них не было времени разобраться, кто им действительно враг. Сначала Красная Армия пришла на их землю, потом германцы стали хозяйничать, потом снова русские. Они и с немцами воевали, и с нашими. А эти... Они же бойцы регулярной армии были! Они же присягу Родине давали! Нет им оправдания! Всех их надо без суда и следствия к расстрелу приговорить! А с ними ещё нянчатся... Вот он отсидит своё и снова будет жить среди нас как ни в чём не бывало! Так, что ли? — спрашивал мастер обходчика.

— Наверное, так... — говорил ему обходчик, стараясь не вызвать у мастера приступа агрессии.

Он помнил, как Михалыч едва не зашиб путёвским молотком молодого парня, который, выслушав как-то его речь о предателях Родины, сказал, что не все из них лютовали, что есть среди них и такие, кто не убил ни одного человека.

— Я читал, что некоторые даже не участвовали в боях. Служили водителями, посыльными в штабах...

— Так ты что, молокосос, предательство здесь мне оправдываешь? — побагровел мастер, взявшись за молоток. — Где ты такое вычитал? Уже сам факт того, что солдат, присягнувший Отечеству, пошёл против своего же Отечества, достоин осуждения! Предавшие Родину должны поплатиться жизнью! Ты понял это, сосунок?!

Дело происходило в одном из путёвских домиков на участке обходчика, во время обеда. Парень-путеец, поняв, что разбудил в своём мастере

зверя, кинулся прочь из домика, а мастер, схватив молоток, бросился следом. В дверях его задержали.

— Михалыч, брось! Не надо! Пацан несмышлёный, в армию ещё не ходил. Мелет сам не знает что!

— Вот из таких вот читателей, не нюхавших пороха, и появляются предатели! — кричал в открытую дверь домика вслед убегающему юнцу мастер, вырываясь из обхвативших его рук путёвцев. — Отправь его воевать — он завтра же к врагам перебежит!

Население района пополнилось перед войной и спецпереселенцами из числа раскулаченных. Людей привозили семьями и селили по деревням. Бывало, что по национальному принципу. Две деревни, расположенные вдоль тракта, идущего от Тайшетграда до посёлка Шиткино, после приезда спецпереселенцев стали называть татарской и башкирской. Приезжие привезли с собой и свои традиции. Надо сказать, что ни местные, ни районные власти не находили причин против того, чтобы ссыльные люди устраивали в деревнях национальные праздники. Поселенцы охотно вливались в число работников сельхоз- и лесозаготовительных организаций и работали с полной отдачей сил. После войны и особенно амнистий, проведённых правительством в 1953–1956 годах, в число работающих в лесозаготовительных организациях района влились и бывшие заключённые — выходцы из прибалтийских республик, которые, как Йозас, не поехали на родину, а остались жить и работать в Сибири.

После амнистий по уголовным и политическим делам в районе стали закрываться лагерные посёлки. Часть из них ликвидировали полностью, вплоть до разбора на дрова последнего барака, но в некоторых убрали только заборы, вышки и колючую проволоку. Оставшиеся бараки переоборудовали в жилые дома, образовав на месте бывших лагерей посёлки лесозаготовителей.

Под жильё для строителей преобразовали и переселенческий посёлок в Тайшетграде, расположенный между улицами Транспортной и Харинской, недалеко от железнодорожной больницы. Убрали забор, провели перепланировку. Вновь образованную улицу назвали Шлакоблочной.

В переоборудованное жильё заселяли рабочих нового строительного управления, возводившего в городе первые каменные жилые дома — сначала на два, потом на три, четыре, а позже и на пять этажей. В район стали приезжать новые молодые люди со всего Союза, теперь уже не под охраной и по спецпринуждению, а добровольно завербовавшись.

В шестидесятые годы название города было известно всей стране, от него начиналось строительство вторых путей к станции Лена и новой железнодорожной ветки, ведущей на Абакан.

В мире, в стране, в районе, в городе и в жизни обходчика за послевоенное время произошло немало событий.

Союзники по мировой войне после победы над общим врагом очень скоро сами стали врагами. Наверное, все понимали, что друзьями Советский Союз с Великобританией и Соединёнными Штатами Америки никогда не были, а объединились по необходимости. Когда же необходимость в союзе отпала, снова вернулись на свои позиции. Теперь идёт новая, названная в газетах «холодной», война. Но, несмотря на это, главы государств встречаются, улыбаются, пожимают друг другу руки. На лето 1975 года даже совместный космический полёт наших космонавтов и американских астронавтов со стыковкой на орбите наметили...

А страна продолжает совершать подвиги. Теперь уже трудовые и научные. За короткое время снова поднялись разрушенные войной города, построены новые заводы, распаханы целинные земли, человек полетел в космос.

Полёт на орбиту Земли и весть о том, что первый в мире космонавт родом из Советского Союза, лётчик, старший лейтенант, вызвали в стране всеобщую радость. День двенадцатого апреля 1961 года, как и День Победы девятого мая 1945 года, сплотил людей, сделал родными. Забыв горести, обиды и ссоры, люди в этот апрельский день обнимались, целовались, вытирали слёзы радости. Страна гордилась двадцатисемилетним своим гражданином Юрием Гагариным и считала его своим братом и сыном.

В начале шестидесятых годов к Тайшетградскому району присоединили соседний Шиткинский, несколько колхозов объединили в совхозы. Бывшая деревня Суетка за Бирюсинским мостом сначала стала посёлком, а затем городом и называется теперь Городком на Бирюсе. Недалеко от лесодеревообрабатывающего комбината в Городке выстроили гидролизный завод, новую школу, Дом культуры. Получил развитие и небольшой посёлок сплавщиков леса Бирюсинка. Новые подъездные пути подвели к леспромхозам на станциях Байроновка и Разгон. Но главным послевоенным событием в жизни района и города стало открытие железнодорожного пути на Абакан. В декабре 1965 года по новой ветке прошёл первый пассажирский поезд. Он вёз строителей, железнодорожников и ветеранов Восточно-Сибирской магистрали. Пассажирам выдали именные билеты с указанием мест. В числе тех, кто удостоился такой чести, был и бывший заведующий железнодорожным клубом, почётный железнодорожник страны Николай Григорьевич. Внесли было в списки первых пассажиров и имя обходчика, но он, подумав, отказался. Нужно было на три дня оставлять свою работу, ехать в неведомый ему Абакан, где формировали поезд.

— Не могу я оставить свой участок и на один день, — сказал тогда обходчик начальнику службы путевого хозяйства, пригласившего его для разговора. — Ни разу за время своей работы я не пропустил ни одного обхода. Выходил каждый день и чувствовал всегда себя хорошо. Если оторвусь на три дня от привычного дела — боюсь, заболео и слягу. Поймите меня, пожалуйста...

Начальник службы пути, бывший много лет мастером, работавшим с обходчиком, его понял. Обнял по-дружески и сказал, что отдаст его место старшему мастеру. Оба тогда, глядя друг другу в глаза, задали себе молчаливый вопрос: сколько же лет и зим, не зная отдыха, выходит обходчик на свой участок?

Обходчик, вместе с начальником и ещё сотнями людей, встречал у здания нового вокзала Тайшетграда первый поезд из Абакана.

Такого столпотворения на перроне вокзала и вокруг него обходчик не видел с победного 1945 года, когда останавливался здесь эшелон с ехавшими на Дальний Восток артистами Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски. Несмотря на зимний прохладный день, приветствовать первый поезд, прошедший по новой железнодорожной трассе, и его пассажиров пришли школьники, учащиеся ГПТУ и медицинского училища, рабочие строительных предприятий и железнодорожники. Поезд встретили с оркестром, песнями и плясками. Провели митинг, на котором выступали начальник строительства, рабочие, железнодорожники, районные руководители и специально приехавшие в Тайшетград по этому поводу представители областной власти.

Значимое событие для города и района произошло и год назад, тридцатого апреля 1974 года. На вокзале встречали первых строителей новой Байкало-Амурской магистрали. Всесоюзный строительный отряд был сформирован прямо на семнадцатом съезде комсомольцев в Москве. И снова на перроне было много народу, и снова были песни, пляски, речи.

Районный центр Тайшетград к 1975 году заметно похорошел и расширил свои границы. На базе небольшого ремонтно-механического завода, давшего вторую жизнь грузовым автомобилям, развился в городе крупнейший в Сибири завод по ремонту дорожно-строительных машин. Как грибы в июле, стали подниматься в северо-восточной части города, по улице Полевой, дома-пятиэтажки — жильё для работников завода и строителей. Любимым местом отдыха горожан в шестидесятые-семидесятые годы стал парк культуры по улице Пушкина, где установили качели и карусели, оборудовали площадки и скамейки для отдыха, заасфальтировали дорожки. В парке по выходным с весны до осени проводили соревнования по шахматам, шашкам и настольному

теннису, в дни летних каникул показывали фильмы для детей в специально переоборудованном под кинзал на колёсах автобусе. А через дорогу от парка возвели стадион — ещё одно любимое место для проведения досуга, правда, в основном мужской части населения. Стадион поочерёдно брали на свой баланс то строители, то железнодорожники, и название его время от времени менялось со «Строителя» на «Локомотив» и обратно. По субботним и воскресным дням с мая по октябрь на стадионе выясняли отношения по шесть-восемь команд из районного центра и по одной из Городка на Бирюсе и рабочего посёлка Юрты. Не пувостал стадион и зимой. Футбольные поле заливали и превращали в ледовую площадку, где кипели матчи по хоккею с мячом, согревая даже в морозные дни своим накалом сотни собравшихся болельщиков.

Жизнь менялась и вокруг обходчика. Именно вокруг него, ибо каждый день жизни самого обходчика был во многом предсказуем. Он начинался либо с планёрки на станции и обхода участка, либо сразу с обхода, а затем вечернего доклада дежурному мастеру. Обходчик знал своё дело и другой жизни не хотел и не представлял. Много раз он благодарил судьбу за то, что однажды принял верное решение и пошёл работать на железную дорогу, за то, что пришёл именно в тот день и в тот час в контору станции и встретил именно того инженера, который предложил ему работу «на свежем воздухе».

«Как всё-таки хорошо и удачно сложилось в жизни, — думал обходчик. — А ведь могло быть по-другому, приди я устраиваться на работу в другой день или даже в другой час того же дня, чуть раньше или чуть позже. А если бы на месте того инженера оказался другой человек и он предложил бы мне работать не обходчиком, а ремонтником в вагонных мастерских, что было бы тогда? Где бы я жил сейчас? И жил ли бы?»

Многих людей с кем начинал работать на железной дороге обходчик, уже нет в живых. Покоятся они на городском кладбище, мимо которого он проходит каждый день. Появившийся в тридцатых годах на пустыре за речкой Тайшеткой погост, вместо оказавшегося едва ли не в центре города старого, к семидесятым разросся и оказался зажат двумя железнодорожными ветками — Транссибирской и Абаканской, вплотную подступив к железной дороге. И с абаканского поезда, и с поездов, идущих по Транссибу, были видны теперь памятники, кресты и оградки.

Похоронена там рядом с мужем-инженером, в своё время дослужившимся до должности начальника вагонного депо, и старшая сестра обходчика. Недалеко от их оградки — могилка «барыньки Нюры», соседки обходчика Анны Георгиевны. Она умерла в начале шестидесятых. Тогда же

в соседнюю квартиру вселился её внук Николай, сын заведующего железнодорожным клубом Николая Григорьевича. Артистом Николай Николаевич, как и его двоюродный брат Александр Александрович, в паре с которым они плясали в детские годы на концертах, не стал. Артистом стал брат Николая — Евгений. Женька-балалаечник в конце сороковых подался в Москву, там окончил музыкальное училище и теперь играет в ансамбле русских народных инструментов. «Балалаечник», — как говорит о сыне постаревший и полысевший, но всё ещё держащийся с достоинством Николай Григорьевич. Евгений гастролирует с ансамблем по стране, бывает и за рубежом. Каждый год старается навестить родителей.

Двоюродные же братья — Николай и Александр — выучились сначала на шофёров и одно время работали водителями автомобилей — возили строительные материалы. После службы в армии Александр окончил строительный техникум и стал работать в стройуправлении номер двадцать один, а Николай устроился слесарем подвижного состава в вагонное депо станции. Оба женились, у обоих появились дети.

Николай с молодой женой Валентиной и двумя маленькими детьми — Володей и Аней — жили дружно. Частыми гостями у них были и Николай Григорьевич, и его младший сын Игорь — брат Николая, тоже работавший в вагонном депо, и Александр Александрович с семьёй, и всегда приезжающий с подарками из столицы Евгений. Навещала молодых и родня со стороны Валентины из деревни Семикрыловка: её мать, сёстры, двоюродный брат Виктор. Николай с Валентиной были соседями обходчика около десяти лет. Сын их Володя учился в восьмом классе, а дочь Аня в третьем, когда Николая не стало. Всё случилось быстро, весной 1973 года. Николай, вернувшись с ночной смены, внезапно занемог, и его увезли на скорой в железнодорожную больницу. Там установили, что у больного внутреннее кровотечение, стали готовиться к операции, но не успели...

После смерти мужа Валентина с детьми прожила в соседней с обходчиком квартире около года, а потом переехала в новый район — на улицу Полевую, за ручей Крутенький, где в год сдавали по два-три пятиэтажных дома для работников завода по ремонту дорожно-строительных машин и строительного участка номер двадцать один.

— Не могу я здесь жить, — признавалась обходчику и его младшей сестре Валентина. — Всё в этом доме напоминает Николая. Мне кажется, что он ходит по квартире ночью, скрипит половицей, гремит посудой на кухне...

После отъезда Валентины с детьми в квартире по соседству за год сменилось несколько жильцов. Туда заселяли молодых инженеров, приехавших на работу по направлению, а когда они создавали

семьи, им сразу давали новое жильё на соседней Локомотивной улице, где построили и продолжали строить пятиэтажные дома для железнодорожников.

Старшая сестра обходчика умерла в 1971-м, на два года пережив мужа. Хоронить отца, а затем и мать приезжал с женой из Минска их сын, племянник обходчика, полковник в отставке. После выхода на пенсию он поселился в столице Белоруссии. Его сыновья продолжили дело отца, тоже стали военными. Старший пошёл по политической линии, служит замполитом в общевоинской части, а младший, как и отец, — танкист, командир танкового батальона.

В том же 1971 году не стало и младшего брата обходчика. Зимой он простыл, заболел, попал в больницу и там умер от двухстороннего воспаления лёгких. Похоронили его на станции Зима, где он прожил всю свою жизнь. Дети его, тоже железнодорожники, к тому времени со своими семьями уже жили в Иркутске, куда после смерти отца перевезли престарелую мать.

Вот так получилось: потомки старшей сестры обходчика и его брата живут теперь далеко от родины своих предков и, быть может, даже не думают ни о Баере, ни о Тайшетграде. Ведь они родились не здесь. У них другая родина.

А младшая сестра обходчика ещё жива и даже здорова. В этом году ей исполняется восемьдесят пять. Она до сих пор не может усидеть на месте и бегает по утрам и вечерам в школу рабочей молодёжи, где наводит порядок: моет полы в коридоре и классах, даёт звонки на перемену уроков. После выхода на пенсию сестра несколько лет ещё работала в железнодорожной прачечной, а потом перешла в школу номер четырнадцать, где была техничкой и гардеробщицей вплоть до своего восьмидесятилетия. Когда же после торжественно отмеченного всей школой её юбилея сестру проводили на покой, она смогла выдержать только три дня. Прочитав объявление, что в находящуюся недалеко от дома школу рабочей молодёжи требуется техничка, сестра тут же поспешила туда и убедила директора, тоже человека пенсионного возраста, принять её на работу.

Сестра по-прежнему живёт в доме обходчика, в своей большой комнате-спальне, готовит брату завтраки и ужины, каждое утро собирает его походную сумку. Нечасто, но бывает, летом, по выходным дням, она навещается в деревню, проводит дом родителей. Иногда обходчик составляет ей компанию. Дом смотрится со стороны прилично. Не хуже других. Но обходчик знает, что он уже отслужил своё. Нижние венцы погнили, весной в подпол попадает вода. Несколько раз на дом находились покупатели. Предлагали неплохие деньги, но сестра не захотела его продавать.

— Это же память наша. Память о наших родителях, нашем детстве. Как это всё можно кому-то

продать? — говорила она ему. — Ведь его покупают не из-за дома, а из-за участка. Дом сломают, построят на его месте новый, и умрёт наша память. Пусть стоит, пока мы живы. А когда нас не будет, тогда уж Бог сам рассудит. Правда, брат?

— Правда, — соглашался с ней обходчик.

5.

От западного переезда до городского кладбища — около двух километров. Обходчик вспомнил о тех, кто лежит там, когда проходил мимо виднеющихся с железной дороги оградок. Каждый раз, когда он доходил до этого кладбища или погоста на станции Бирюсинка, на глазах его появлялись слёзы, и он думал о смысле человеческой жизни, о том, что жизнь до обидного коротка.

В молодости кажется, что всё у тебя впереди: десятки лет, тысячи дней, бессчётное количество часов и минут... Да и в годы зрелые, когда человек уже пожил на свете и немало видел, он тоже думает о том, что времени ему отмерено ещё немало и можно попробовать что-то изменить в своей жизни. Ему кажется, что для этого не надо больших усилий, нужно просто сделать правильный вывод из прожитого... Одно время, идущее вроде бы не торопясь — минута за минутой, час за часом, день за днём, заставляет не торопиться. Но оно обманывает человека. Складываясь медленно в годы, ещё медленнее — в десятилетия, время играет с ним: даёт ему надежду, всем своим расположением показывает, что можно не спешить и жить размеренно. И человек часто поддаётся на его уловку: живёт, если позволяют обстоятельства, степенно, не замечая, как стареет. Понимание того, что ты уже состарился, приходит всегда неожиданно и застаёт врасплох. В одно пасмурное утро, ненастный день или усталый вечер человек вдруг, к ужасу своему, осознаёт: большая часть жизни его прожита, молодость не вернётся, плод перезрел и начал ветшать, и многое, о чём он мечтал, уже не состоится. А главное, он жил и не видел, не замечал, как менялся вокруг него мир. И вот когда он оглянулся и осмотрелся, то не узнал его. Детство, юность, зрелые годы, молодые лица друзей и родных остались только в памяти и на фотографиях, а вокруг теперь другие, малознакомые или незнакомые совсем, люди. Они живут, радуются, смеются, строят планы, мечтают. Наступает и уже наступило их время. Они сейчас хозяева жизни. Впрочем, хозяева ли? Скорее всего, они пребывают в иллюзии, попав в плен времени, ошибочно считают себя повелителями своих судеб. Разочарования у них ещё впереди, а осознание реальности — далеко впереди. Но им всё же хочется завидовать. Это пока ещё их мир. Пусть живут и радуются! Пусть не думают о старости и скоротечности жизни. Может быть, кого-то из них подхватит птица счастья и унесёт

в заоблачную даль, туда, где исполняются мечты. И хотя мечты молодых кажутся ему с высоты его прожитых лет наивными, пусть они всё же исполнятся.

Думая о том, что у молодых многое впереди, он не ставил на своей жизни крест. У него тоже пока есть куда стремиться. Впереди него всегда непройденный путь. Каждый день почти двенадцать километров в одну сторону и столько же обратно. Обходчик понимает, что он давно прошёл большую часть своего пути — жизненного и отмеченного километровыми столбиками на Транссибирской магистрали. Если сложить пройденный им за время обходов километраж, то получится, что он обошёл вокруг Земли не один раз и, может быть, успеет пройти ещё расстояние, равное от Тайшетграда до Москвы или хотя бы до Иркутска.

Мысли о том, что память человека хранит многое и освежает события, связанные с тем или иным случаем, если находишься на месте, где эти события произошли, часто приходят обходчику, когда он доходит до откоса. Обходчик всегда делает остановку и смотрит на дорогу, ручей, пробегающий рядом, кусты ивы, одинокие берёзки за ручьём и виднеющийся на горизонте лес.

Когда-то давно, ещё до революции, а будто только вчера, выпрыгивали на ходу из арестантского вагона в этом месте политические заключённые Петров и Коростелёв.

И надо же такому случиться: через сорок с лишним лет в этом же месте с пассажирского поезда выпрыгнули ещё трое: мужчина и две женщины. Мужчина сломал ногу и остался лежать на откосе, а женщины, перебравшись через ручей, убежали тогда в лес. Произошёл это случай летом то ли 1953-го, то ли 1954 года. Обходчик точно не помнил, но случилось это после указа правительства о большой амнистии заключённых. В то время Тайшетград был переполнен освободившимися из заключения людьми, съезжающимися на узловую станцию. Вокзал был постоянно забит приезжающими и отъезжающими, билетов на всех и мест в проходящих поездах не хватало. С утра до вечера к магазинам выстраивались огромные очереди, то и дело возникали драки с поножовщиной, на улицах стали грабить прохожих. Были отмечены случаи изнасилований и даже убийств. Жители города вечерами старались реже выходить из домов. На помощь местной милиции прислали подкрепление из Иркутска. Милиционеры патрулировали улицы, наводили порядок на вокзале и у магазинов, каждый день задерживали по несколько человек и спецмашинами отвозили в места временной изоляции.

Вот тогда и выпрыгнули на ходу из пассажирского поезда мужчина и две женщины. Поезд этот шёл в западном направлении вечером, когда

обходчик уже закончил работу. Но через два дня его до начала обхода вызвали в контору станции и велели сопроводить двух приехавших из Иркутска милиционеров в откос, где этот случай произошёл. Фамилии приехавших из областного центра капитанов милиции, к удивлению обходчика, были Петров и Коростелёв. Оказалось, что это сыновья Константина Васильевича Петрова и Анатолия Ивановича Коростелёва. Родители их в предвоенные годы заслуженными людьми вышли на пенсию и жили теперь в Иркутске. Дети друзей-революционеров тоже стали друзьями. До войны поступили на службу в железнодорожную милицию, во время войны несли службу по охране грузов на станции Иркутск-Сортировочный, ловили бандитов и расхитителей. Имеют награды.

— И как же это угораздило отца тут ногу подвернуть? — глядя вниз, улыбаясь, говорил товарищу Иван Коростелёв, когда обходчик привёл их на откос. — Не подвернул бы — убежал бы, как твой батька, в лес.

— Здесь один путь — только в лес, — согласно кивал другу капитан Василий Петров. — И эти дамочки туда же лыжи свои навестили...

Как рассказали обходчику милиционеры, две женщины, возрастом под сорок, были осуждены во время войны за участие в разбойничьих нападениях. Амнистия на них не распространялась, и они, воспользовавшись послаблением режима, совершили побег. И не просто побег, а разоружили охранника, взяв его в заложники.

— Представляете, этот охранник и вещи за ними носил, и людей завлекал, чтобы те их в безлюдных местах грабили, и даже удовлетворял их как мужчина, — рассказывал Иван.

— Да, натерпелся мужик, — дополнял друга Василий. — Ему пистолет к голове приставляли и заставляли делать мужское дело.

— Да уж и натерпелся! — не соглашался Иван. — Это он так нам с тобой, Вася, говорит. А как на самом деле было — неизвестно. Может, и в радость ему это дело было? Почему он от них при первой возможности не сбежал? Целых восемь дней с ними болтался. Они же, пока в город пришли, два магазина в деревнях ограбили. А на займке, недалеко от Старого Акульшета, ворвались в дом, загнали в подпол и мужа, и жену, и малолетних детей, и старуху семидесятипятилетнюю. Забрали продукты, деньги... Он что, не мог момент выбрать — обезоружить их? Он же военный... Наверняка помогал им и людей вязать... Он им и билеты на поезд покупал... Не заметили бы пассажиры в поезде у них пистолет, не подняли бы шум — не пришлось бы им с поезда прыгать. Они бы вместе с ним благополучно доехали до Красноярска или Новосибирска и там бы продолжили свои дела...

— Ну, мы же с тобой, Ваня, когда учились, изучали синдром привыкания. Когда преступник

и жертва находятся долгое время вместе, случается, что они проникаются друг к другу симпатией. Думаю, что здесь этот случай, — рассуждал капитан Василий Петров.

— Этот случай или не этот — суд определит! — горячился Иван Коростелёв.

Преступницы далеко не ушли. Они вышли к колхозной пасеке, там связали старичка-пасечника и забрали всё, что было у него из продуктов. Обыскивая избушку и хозяйственные постройки, беглянки наткнулись на бутылки с медовухой. Причастившись несколько раз, они улеглись на постели пасечника отдохнуть. Пока преступницы пили, ели и спали, старичок сумел освободиться от верёвок и, прибежав в село, рассказал, в чём дело. Вызвали милицию и взяли дамочек без сопротивления, шума и выстрелов.

— Вот так и взяли тёпленьких и пьяненьких, почивавших в обнимочку на дедушкиной постельке, — сказал Василий Петров.

Позже, как слышал обходчик, суд приговорил женщин за побег, захват заложника, разбой и грабежи к расстрельной статье, а бывшему охраннику за содействие в преступлениях дали по совокупности десять лет лагерей.

6.

Обходчик постоял с минуту над откосом, вспоминая события минувших лет, и, повернувшись, посмотрел на запад. Две стальные полосы железнодорожного пути, вдоль которых он шёл по краю откоса, и две на пути встречном уходили, сверкая на солнце, вдаль, делая там поворот и прячась за деревьями. Ему сегодня ещё предстояло идти туда, а потом обратно. Он прошёл только пять километров, и большая часть пути была впереди.

Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги.
Ветер рвёт горизонты
И раздувает рассвет, —

вспомнились ему слова песни. Эту песню он услышал по телевизору года два назад. Мужик с бородой, похожий на геолога, сидел прямо на рюкзаке на перроне вокзала в ожидании поезда, играл на гитаре и пел, а две молодые женщины в куртках-штормовках, таких же как у певца, стояли позади него и подпевали.

Люди идут по свету.
Слова их порою грубы.
«Пожалуйста... извините...» —
С усмешкой они говорят.
Но грустную нежность песни
Ласкают сухие губы,
И самые лучшие книги
Они в рюкзаках хранят.

Слова песни понравились обходчику. Душа его, словно выбросив два крыла, взлетела над домом, городом, Транссибирской магистралью, и обходчик увидел и вокзал, и свой участок, и мост через Бирюсу. Он невольно привстал перед телевизором и запел вместе с мужиком и женщинами, чем немало удивил сидевшую рядом с ним у телевизора сестру.

Они в городах не блещут
Манерой аристократов,
Но в чутких высоких залах,
Где шум суеты затих,
Страдают в бродячих душах
Бетховенские сонаты,
И светлые песни Грига
Переполняют их.

С тех пор обходчик часто напевал слова песни при обходе своего участка.

С появлением телевидения в Тайшетграде в 1972 году, сначала местных, а год спустя областных и московских передач, жизнь обходчика и его сестры обрела новый, дополнительный смысл. Они любили вечерами, поужинав, смотреть фильмы и концертные программы, с нетерпением ожидали праздничные «Голубые огоньки».

Вот и вчера, девятого мая, «Огонёк», посвящённый тридцатилетию Победы советского народа над фашистской Германией, оправдал их ожидания. В передаче принимали участие фронтовики, известные в стране артисты. Звучало много песен о войне. Большинство — хорошо обходчику знакомых, но была среди них одна новая...

Обходчик запомнил, что слова песни сочинил фронтовик, участник войны, а вот музыку — совсем ещё молодой композитор. И пел песню тоже молодой исполнитель Леонид Сметанников. Какие правильные слова были в этой песне!

День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк.
Были вёрсты, обгорелые, в пыли, —
Этот день мы приближали, как могли.
Этот День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы! День Победы! День Победы!

А когда певец пропел:

Здравствуй, мама, возвратились мы не все...
Босиком бы пробежаться по росе!
Пол-Европы прошагали, полземли —
Этот день мы приближали как могли, —

у обходчика навернулись слёзы, а его сестра заплакала.

Да, уже тридцать лет прошло с того дня, как закончилась Великая Отечественная война. Тридцать...

Вчера, когда обходчик уходил на участок после собрания-планёрки, к железнодорожному вокзалу стали подходить люди. На Привокзальную площадь, к памятнику погибшим воинам-землякам, жители города несли цветы и венки. Из уличного динамика, установленного в железнодорожном саду, слышались военные песни: «Огонёк», «Землянка», «Тёмная ночь», «Катюша»...

Когда закончил обход, уже в четвёртом часу дня, обходчик вышел на Привокзальную площадь. Там по-прежнему были люди. Цветы лежали и стояли в корзинах вокруг памятника. Обходчик засмотрелся на юнармейцев. Они стояли в почётном карауле: паренёк и девушка в синих пилотках со звёздочками и в синих курточках с погонами. На паренёке были синие брюки, на девушке — синяя, закрывающая колени, юбка. Пионерские галстуки алели у них на груди. Юные армейцы стояли по стойке «мирно». Левая рука их была опущена вниз, а правой они держались за ремешок автомата.

«Школьники; наверное, пятый или шестой класс, — определил обходчик. — Интересно, а автоматы у них настоящие?»

С ним поздоровались. Он оглянулся и увидел молодого человека, выше себя ростом, в тёмной лёгкой курточке. Лицо парня показалось ему знакомым. Пробивающийся под носом пушок, длинные кудрявые волосы, покачивающиеся на ветру, серые выразительные глаза и добродушная улыбка.

— Здравствуйте, — ещё раз сказал ему парень. — Вы меня, наверное, не узнали? Я бывший ваш сосед по дому на Северо-Вокзальной улице.

— Володька? — скорее догадался, чем узнал, обходчик. — Сапрунов?

— Да, я!

— Где ж тебя узнаешь? Ты за год с лишним, что мы не виделись, так вымахал... Повзрослел. Сколько тебе лет-то уже?

— Осенью семнадцать будет. Я десятый класс заканчиваю...

— Учиться дальше будешь или работать пойдёшь?

— Учиться буду, но, наверное, уже после того как в армии отслужу, а пока на завод пойду работать. Так решил. Матери помогать надо.

— Да, надо... — согласился обходчик. — Как она? Не хворает?

— Да нормально. Работает...

— Ну и хорошо, — кивнул обходчик. — Понятно дело: по отцу твоему скучает. Ведь жили-то они как хорошо — душа в душу. А брат её как? Дядька твой, Виктор?

— Да тоже хорошо. Женился, в город переехал. На высококомбинате сантехником работает...

Пока они разговаривали, к памятнику подъехал новенький «уазик», и из него вышли капитан в парадной форме и ещё двое юнармейцев. Тоже паренёк и девушка.

— Сейчас смена караула будет, — пояснил Володя.

Капитан осмотрел стоящих перед ним юнармейцев, поправил девушке пилотку, потом встал впереди и скомандовал вполголоса:

— За мной — шагом марш!

Чеканя шаг, офицер и юные армейцы направились к памятнику. Прогуливающиеся на площади люди останавливались, расступались, давая им дорогу.

— Ну прямо как на Красной площади! — воскликнул обходчик. — Как в Москве, на смене караула у Мавзолея Ленина! И ребяташки маршируют как настоящие солдаты! И девочки не отстают от мальчиков. Ты смотри-ка!

— Та, что сейчас меняется, моя сестра, — сказал Володя.

Он произнёс это возвышенно, с гордостью.

— Аня?! — удивился обходчик. — Иди ты! Тоже как выросла! Встретил бы на улице и не узнал.

— Она в шестой класс переходит. В августе ей двенадцать исполняется.

Новый караул принял из рук сдающих пост автоматы и замер у памятника погибшим воинам.

Сменившиеся промаршировали вслед за капитаном до УАЗа. После команды «вольно» Аня подошла к брату, негромко и несмело поздоровалась с обходчиком.

— Здравствуйте, Анечка! — поприветствовал её обходчик.

— Мы на праздничный концерт в ДК железнодорожников собрались, — сказал Володя. — Вы не идёте?

— Нет, ребята, — с сожалением покачал головой обходчик. — Я только что с обхода. Тоже вот вроде бы как смену сдал мастеру. Отдохнуть немного надо. Ну а вы идите. Всего вам хорошего. Матери и дяде Вите привет передавайте.

— Спасибо. Обязательно передадим, — отозвался Володя. — А вы бабушке своей от нас передавайте. Как у неё здоровье?

— Да, слава Богу, здорова сестра. Расскажу ей, что встретил вас. Привет передам. Она рада будет.

Попрощавшись с ребятами, обходчик, перед тем, как идти домой, зашёл в железнодорожный сад. Из двух динамиков, установленных на летней эстраде, звучали песни военных лет. Пожилая пара — женщина в берете пятидесятых годов и прихрамывающий старик с густой седой шевелюрой в вышедшем уже из моды болоньевом плаще — медленно кружилась в танце. На скамеечках сидели люди, слушали песни и смотрели

на танцующих. Обходчик присел на скамеечку, ближнюю к эстраде. Увидев его, танцующая женщина кивнула ему. Обходчик ответил кивком и присмотрелся. Это была Шура Чипанцева. Он узнал и мужа её, Валентина, и когда тот повернулся к нему лицом, поднял приветственно руку. Валентин, улыбнувшись, помахал ему.

По пути домой он встретил ещё нескольких знакомых. С кем-то он просто здоровался, кого-то поздравлял с праздником, с кем-то, остановившись, разговаривал.

К калитке своего дома он подошёл уже в начале шестого часа. Сестра была во дворе — вытрясала кружевные половички.

— Что-то ты сегодня, брат, задержался. Ужин остыл, поди, уже... Сейчас разогрею, — добродушно улыбаясь, сказала она, поспешив в дом.

Обходчик поднялся на крыльцо и, остановившись, прислушался. Из железнодорожного сада и сюда доносилась музыка, и можно было разобрать слова песни:

Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград...

7.

Обходчик вдохнул и улыбнулся. Путьский дом «на седьмой версте», выкрашенный в тёмно-красный цвет накануне праздника, показался справа от него. Значит, большая половина пути в одну сторону пройдена.

Он хотел было спуститься вниз, проверить, всё ли в порядке, но услышал гудок. С запада на встречном пути показался пассажирский поезд. Поравнявшись с обходчиком, машинист электровагона дал приветственный гудок. Обходчик поднял руку и помахал ему в ответ.

Евгений-Володя

Стремиться и постигать

Когда ты будешь подниматься вверх, ты повстречаешь много разных людей. Не обижай их, потому что ты встретишь их всех ещё раз, когда будешь падать вниз.

Ози Осборн, британский рок-музыкант

1.

Евгений сделал ещё одну подтяжку и поднял голову. Стальная полоска рельса была в каком-то полуметре, почти на уровне его глаз. Ещё одно усилие — и можно ухватиться. Сначала одной рукой, потом второй, а там останется переползти через пути и скатиться вниз. Насколько он помнил, с другой стороны откос был не таким крутым и у подножья его рос кустарник.

Скатиться вниз, в кустарник, а потом...

«Не надо думать, что будет потом. Сначала нужно уцепиться за рельсы...»

Он вздохнул и собрался было совершить рывок, но неожиданно возникшее желание закурить свело на нет усилия.

«Ну вот ещё одна напасть! Теперь покурить захотелось... — Евгений выдохнул набравшийся в лёгкие воздух. — Как хорошо было, когда я не курил... Не курил почти до тридцати лет...»

2.

Ни в юности, ни в молодости тяги к курению Володя не испытывал. Однажды, когда он учился классе в пятом, кто-то из парней-одноклассников в обмен на пустую бутылку выпросил у киоскёрши пачку папирос «Байкал» и предложил нескольким подросткам покурить. Папиросы эти были самыми дешёвыми и стоили то ли шесть, то ли восемь копеек. Они зашли в железнодорожный сад и, спрятавшись за эстраду, пустили зажжённую папироску по кругу. Когда очередь дошла до Володи, он втянул в себя дым и сразу выпустил.

— Так не считается, — пояснил ему самый опытный из всех собравшихся курильщик. — Чтобы дым выходил изо рта и носа, нужно затянуться, вдохнуть, пропустить его через лёгкие и выдохнуть. Смотри, вот...

Наставник начинающих курильщиков затянулся и легко выпустил дым из носа.

— Вот так! — сказал он весело, передавая папироску Володе.

Володя снова втянул в рот дым, но вдохнуть его не решился, почти тут же выпустил изо рта.

— А! — махнул рукой, глядя на него, наставник и передал папироску другому.

Дома Володя долго мыл руки с мылом, украдкой ел лук, чтобы перебить запах табака и не объясняться с родителями. Ему казалось, что табаком и дымом пропиталось всё его тело, и он старался не прикасаться к вещам, отказавшись от ужина.

Вторая попытка табакокурения случилась с ним лет через десять после первой, когда Константин угощал всех настоящими гаванскими сигарами.

Как и обещал, Константин, применил все свои способности и связи и добился, что их: его, Володю, Витю-Перца и Исаака, — включили в состав стройотрядовцев — проводников пассажирских вагонов фирменного поезда «Байкал».

— Будем работать два месяца — июль и август, и у нас получится четыре поездки до Москвы и обратно. Я договорился, нам дадут один вагон купейный и один плацкартный. Думаю, что мы с Витей будем купе обслуживать, а вы, — он показал на Володю и Исаака, — парни самостоятельные, справитесь и в плацкартном.

Исаак от такого известия подпрыгнул чуть ли не до потолка общежитской комнаты и захопал в ладоши.

— Ура-а-а-а! Встречай нас, столица! — закричал он, обняв за плечи Володю и Витю-Перца.

Витя-Перец после слов Константина замер с открытым ртом. Глаза его излучали не выраженный в звуке восторг.

— Ну, здóрово, — улыбнулся Володя. — Только справимся ли мы? Одно дело — ехать пассажирами, другое — проводниками.

— Не дрейфь, справимся! — уверил Константин. — В конце июня пройдем теоретическую подготовку в вагонном пассажирском депо у опытных проводников, получим стройотрядовскую форму и — вперёд на столицу! Ну а перед большой работой и свиданием с Москвой неплохо бы после экзаменов отдохнуть денёчек хотя бы у славного озера Байкал. А? Вова, помнится, ты говорил, что у тебя дружок армейский тачкой заправляет и высказал тебе желание выбрать время и до Листвянки нас прокатить? Думаю, время пришло.

— Хорошо, я поговорю с Дамиром, — одобрительно кивнул Володя.

Дамир не заставил ждать. Он выбрал подходящее для всех время и воскресным июньским утром подкатил «Волгу»-такси к общежитию.

По автотрассе от Иркутска до Листвянки около семидесяти километров. Весь путь занял чуть больше часа, и всю дорогу друзья обсуждали предстоящую поездку в Москву, выстраивая планы и делая предположения. Они так увлеклись, что не заметили, как проехали место, где вытекает из Байкала Ангара, и не обратили внимания на знаменитый Шаман-камень. Спихватились, когда об этом им напомнил сидевший за рулём Дамир.

— Вы так красиво говорите, что мне самому в Москву в такси поехать захотелось. Ну, я и не стал отрывать вас, — объяснил Дамир. — А у Шаман-каменя мы на обратном пути остановимся. Никуда от нас он не убежит.

Несмотря на ранний для купания час — около десяти часов утра, народу у берега озера в районе посёлка было немало.

— Что вы хотели? Сегодня воскресенье, после полудня тут яблоку негде упасть будет, — сказал Дамир, остановив машину на въезде в посёлок. — Это место называют сибирской Анапой и здесь до самого октября каждый день полно народу.

Известно, что Байкал освобождается ото льда в мае, а то и в июне, и купаться в озере начинают с июля и чаще в заливах озера, где вода прогревается получше. Но всегда были и, наверное, будут смельчаки, готовые ринуться в священное для местных жителей озеро в любое время и в любую погоду. И в этот день, на глазах восторженных женщин, несколько мужчин с разбегу бросались в воду, но, проплыв немного, возвращались к берегу. Кто-то из них за смелый поступок был награждён аплодисментами подруг, а кого-то встречало неодобрительное ворчание жён.

Дамир припарковал «Волгу» в месте, где было поменьше народу, и все четверо его пассажиров, приподняв гачи брюк выше к коленям, пошли по пляжным камешкам к воде.

Жёлтое солнце, синее небо, редкие белые облака отражались в чуть покачивающейся воде, и чем больше Володя смотрел на воду, тем больше ему казалось, что солнце, небо, облака, мечущиеся между озером и небом чайки плывут и летят одновременно вверху и внизу, что небо и вода сливаются вдали воедино, а виднеющийся на горизонте горный хребет Хамар-Дабана выходит из воды и в то же время спускается в озеро с неба.

Тем временем Константин первым вошёл в воду, за ним последовали Исаак и Витя.

Володя вытянул ногу навстречу набегающей слабой волне. Волна омыла пальцы ноги, пятку и отхлынула, словно позвала: давай теперь ты ко мне.

Володя сделал шаг и другой. В прозрачной воде под ногами лежали мелкие мытые камешки, среди которых можно было различить монетки. Володя нагнулся, поднял камешек с жёлтыми полосками. Рука быстрее, чем ноги, ощутила прохладу.

— Ноги прямо сводит! — сказал Константин, выбегая на берег. — Други мои, осторожнее. У кого организм послабже — бойтесь, могут волдыри на губах соскочить. Герпесом называются. Тогда никто с вами целоваться не рискнёт.

Витя и Володя тоже поспешили на берег, а Исаак, не торопясь, умыл сначала руки байкальской водицей, а потом и лицо и только после этого вышел, замочив брюки.

— Я вот что, друзья мои, предлагаю, — сказал не заходивший в воду Дамир. — На Байкал мы посмотрели — и хватит на первый раз. Давайте вернёмся к Шаман-камню. Остановимся там. В Ангаре вода потеплее будет. Кто хочет — может искупаться.

— В принципе, разумное предложение, — согласился Константин. — Только для начала давайте заедем на здешний рыбный базар, возьмём омуля холодного и горячего копчения, зайдём в кафе и опрокинем под рыбку по кружечке-другой пивка.

Возражений этому предложению не было, и вскоре вся компания, прогулявшись между рядами рыбного рынка, где преобладал в солёном и копчёном виде омуль, поднялась на террасу двухэтажного кафе.

Дамир пиво пить не стал («Я за рулём») и заказал пять порций байкальской ухи.

— Угощаю, друзья, вас, — сказал он. — Кто не пробовал ещё — оцените. При всём уважении к нашим мамам и бабушкам, такую, как на Байкале, уху они не приготовят. Здесь уха особая.

Пока ждали уху, выпили почти по кружке, разговаривая и разрывая копчёного омуля.

— А я предпочитаю омуля покупать на иркутском рынке, — сказал Дамир, прожёвывая кусочки рыбы всухомятку. — Там выбор побольше. Туда везут его почти со всех прибайкальских посёлков области и, бывает, даже из Бурятии завозят. Да и продавцы там сговорчивее, можно цену сбить при большой покупке.

— Мой отец тоже рыбу заказывает в Иркутске на рынке, — согласился Константин. — Омулёк — вещь. Обратите внимание на здешних чаек. Они отъелись на омуле, и их от домашних гусей не отличишь. Здоровенные какие. Я был с родителями в Крыму, там черноморские чайки помельче наших будут.

— Они же байкальского омуля не едят! — засмеялся Володя. — Они, наверное, черноморской килькой питаются!

— А мне черноморский окунь понравился — сказал Константин, отпивая пиво. — Мы были в Севастополе и в Ялте, и там организована рыбалка на катерах. Можешь сам поймать окунька в море, и тебе его на берегу поджарят на углях.

— Хорошо бы и в Крыму побывать, — вздохнул Исаак, потроша своего омулька, — черноморского окуня попробовать...

— В Крыму раздолье для археологов, — глотнув из кружки и посмотрев, сколько в ней осталось пива, сказал Володя. — Там целый город Херсонес откопали и ещё, я уверен, откопают много чего. Там же ещё до нашей эры греческие колонии-города стояли.

— Для археологов везде раздолье, — ответил на реплику Володи Константин. — Вся земля. Где ни копни — везде можно следы древних цивилизаций найти. Только усердие нужно и терпение. Вон Шлиман начался Гомера и давай Троию искать по описанию... И нашёл. И нашёл, насколько известно, в том месте не только Троию, но и ещё какие-то поселения.

— А я думаю, что и у нас на Байкале вполне можно рыбалку с катеров и лодок организовать, — сказал Дамир, прерывая неначавшуюся дискуссию Константина и Володи. — Нужны энтузиасты. А дело пошло бы. У нас хоть и не Крым, но туристов тоже много бывает.

— Несомненно, пошло бы, — согласился с ним Константин. — Я думаю, что найдутся рано или поздно такие люди.

Байкальская уха понравилась всем. Может, ещё и потому, что выпитое пиво вызвало аппетит. Ели с удовольствием. После ухи пива решили пока не пить. Взяли с собой бутылочного и поехали в обратном направлении, к Шаман-камню.

— Все знают легенду о Байкале и Ангаре? — спросил Константин, поворачиваясь к товарищам.

Он сидел рядом с Дамиром на первом сиденье.

— В общих чертах все, — ответил за себя и прижимающихся к нему на заднем сиденье «Волги» Исаака и Витю Володя.

— Так давайте же, друзья, все вместе расскажем друг другу эту легенду. Я начинаю.

Константин был в хорошем настроении, да и остальные тоже.

— Давным-давно, в незапамятные времена, жил в Сибири, среди тайги и гор, славный богатырь по имени Байкал, — начал распевно Константин. — И было у него тридцать три красавицы-дочери — реки таёжные...

— Триста тридцать три! — вставил Исаак.

— Триста тридцать три, — согласился Константин, — включая маленьких — несовершеннолетних. И все дочери любили своего отца-богатыря, питая и лаская его и придавая ещё большую силу ему своими притоками.

— А кто был его женой? — спросил вдруг Витя-Перец. — Дочки откуда у этого богатыря взялись?

— Об этом история умалчивает, — сменил распевный тон на рассудительный Константин. — Но можно предположить, что он был многожёнцем или даже содержал гарем и каждая из его жён родила ему по несколько дочерей.

— Ладно. Твоя гипотеза принимается. Давай дальше, — разрешил Володя.

— Итак, дальше, — снова оживился Константин. — И самой прекрасной и самой любимой его дочерью была Ангара. Река Ангара, как и её сёстры, по мере взросления хорошела, крепла, расширяла берега и углублялась — становилась полноводнее и полновеснее. Старшие сёстры её, пробегая по лугам, таёжным и горным местам, находили себе женихов-спутников и, сливаясь с ними, становились ещё шире и краше и с удвоенной силой несли свои воды к отцу-Байкалу.

— Однажды повстречала своего суженого и красавица Ангара, — выждав, когда Константин делает паузу, подхватил рассказ Володя, тоже говоря нараспев. — Молодой богатырь по имени Енисей, увидев красавицу, вздыбил свои волны над берегом, остановил свой бег и замер, изумлённый. Приостановила свой бег и Ангара, засмотревшись на красавца.

Володя, улыбаясь, вздохнул, собираясь с мыслями. И пока он собирался, эстафету подхватил Витя-Перец:

— «Иди ко мне, красивая, — сказал Енисей Ангаре, — давай сольём вместе наши воды и понесём их к морю и океану, чтобы там, соединившись с ними, стать одной мировой водой», — выпалил на одном дыхании Витя и посмотрел на Исаака.

— «Я бы пошла к тебе и охотно влила свои воды в твои, — ответила Енисею Ангара. — Но у меня есть батюшка-Байкал, и мне, как послушной его дочери, нужно спросить его благословения», — не заставил себя ждать Исаак.

— Молодцы! — похвалил всех Константин и снова взял инициативу на себя, продолжая распевный рассказ. — «Хорошо, — сказал Енисей

своей избраннице. — Беги к своему отцу, попроси его благословения, а я буду ждать тебя возле таёжных камней. И когда ты вернёшься, мы обречимся и побегим вместе на север, к морю-океану». И счастливая Ангара, весело напевая, побежала к отцу-Байкалу, а задумчивый жених-Енисей стал ждать её у таёжных скал.

— Как у вас всё складно выходит! — воскликнул восхищённый Дамир, улыбаясь и поглядывая на дорогу. — Как будто всю ночь легенду наизусть заучивали.

— Обижаетесь, Дамир, — поворачиваясь к нему, сказал Константин. — Мы же историки, а значит, не лишены литературной фантазии. И потом, как ты, наверное, заметил, мы легенду на свой лад рассказываем. Импровизируем.

— А мне, журналисту, сам Бог велел фантазию включать, — напомнил всем Исаак о своей будущей профессии и продолжил рассказывать легенду: — Долго ждал свою возлюбленную Енисей. Высматривал, поднимаясь над скалами и лесами, а она всё не возвращалась...

— А Ангара в то время обливалась слезами и била свои волны о прибрежные скалы, пытаясь вырваться из заперти, — поймав на паузе Исаака, вставил Володя. — Узнав о планах дочери, разгневанный Байкал заточил её в неволю, под строгий свой пригляд...

— Плакала, лила слёзы Ангара, уговаривала, упрашивала отца отпустить её к Енисею, но Байкал был неприступен, — снова взял на себя инициативу главного рассказчика Константин. — Плакала Ангара, и плакали вместе с ней и кричали надрывно чайки в небе. Наконец Ангара, наплакавшись, затихла, присмирела, как будто смирилась со своей участью. Затих и присмирел Байкал и, успокоив свои воды, задремал...

Константин затих и, повернувшись к друзьям, вопросительно посмотрел на них.

— Ну заканчивай уже сам, — сказал ему Володя. — Раз начал, давай доводи до конца.

— Но не смирилась, нет, не смирилась Ангара! — воскликнул, подняв руки, Константин. — Она отыскала лазейку, маленькую брешь у берега и с силой устремилась, помчалась туда, где ждал её Енисей. Мысли о встрече с возлюбленным придавали Ангаре новые силы. От шороха и бурного журчания проснулся Байкал и, увидев, что любимая дочь его, Ангара, вырвалась из заточения и убегает, схватил из-под ближайшего утёса камень-скалу и бросил вслед дочери, пытаясь перекрыть её течение, — Константин махнул двумя руками, изображая бросок. — Но влюблённая Ангара уже набрала силы и, разделив свои воды, обошла препятствие с двух сторон, оставив камень в середине своего русла. Легко преодолев другие преграды, встречающиеся ей на пути, Ангара прибегала к ожидающему её Енисею, и,

слившись воедино, две сибирские реки помчались дальше, мимо скал и тайги, на север — к морю называемому Карским, и океану, величавому Ледовитым. А брошенный вслед дочери Байкалом камень до сих пор лежит недалеко от того места, где Ангара вытекает из озера, как напоминание людям о старинной легенде и красивой любви.

— Браво! — воскликнул снова Дамир. — Вам бы записать ваш совместный вариант легенды и отнести в редакцию литературного журнала «Сибирь».

— Хорошее предложение, — подхватил идею Константин. — Исаак, займись литературной обработкой. Можешь поставить там одну свою подпись; если где опубликуешь, гонорар поделишь с нами.

— Ну за кого ты меня принимаешь? — обиделся Исаак. — Это наше совместно сочинённое произведение. Вместе и сделаем обработку. А если «Сибирь» не возьмёт, я отвезу нами сочинённую легенду в свою районную газету.

— Ладно, друг, я пошутил, — подмигнул ему Константин. — Складно и мы придумали, а ещё лучше до нас сочинили, выдумали такой берущий за душу сюжет наши предки. Людям вообще свойственно одушевлять в своих сказках, легендах, баснях окружающие их предметы, зверей, птиц, рыб, реки, озёра, моря, явления природы. В науке это называется антропоморфизмом. Древнегреческое название. От слов «человек» и «вид». Человеческая фантазия не знает границ, и порой животным приписывают такие качества каких у них и не бывает, и не бывало никогда. Вот взять миф о лебединой верности. Считается, что если погибает лебёдушка, то и лебедь, в знак верности, камень бросает на землю и погибает рядом с ней.

— А разве это не так? — спросил Дамир. — Даже песня об этом есть.

— Песня романтизирует отношения. Делает красивой историю о верности. На деле лебедь, увидев, что подругу подстрелили или что-то случилось с ней в полёте, бросается за ней, но перед землёй или водой, метра за два-три, плавно распускает крылышки и тихонечко приземляется. Если лебёдушка ранена не смертельно, он по мере сил старается ей помочь, а если она погибла или безнадежна, то он просто отсиживается в камыши и, дождавшись пролёта новой лебединой стаи, присоединяется к ней. А после выбирает себе новую подругу. Вот так. Всё гораздо прозаичнее в жизни.

Константин развёл руки, глядя на Дамира.

— Тем не менее, легенды и сказки нужны. Они помогают человеку верить в хорошее. Найти выход в, казалось бы, безвыходных ситуациях, — сказал Володя.

— Конечно, нужны. Конечно, помогают. Я не спорю, — ответил Константин, повернувшись к нему. — Нужны, наверное, и легенды о великих и знаменитых людях, которым с течением

времени от их ухода приписывают различные благородные поступки, какие быть могли, но процентов на девяносто навряд ли были. Это додумки и придумки потомков. Вот и наша легенда про Байкал, Ангару и Енисей — не более чем красивая. А отец мой был на том месте, где сливаются Ангара и Енисей, и говорит, что не сразу понял, кто в кого впадает. Ангара там шире, чем Енисей. Я думаю, что если бы назвали Ангару в своё время Енисеем или как-то по-другому, а Енисей — Ангарой, то сложили бы другую легенду.

— Я допускаю, что и Ангару, и Енисей могли наши предки назвать по-другому, — отреагировал на слова Константина Исаак. — Но те, кто жил на берегах этих рек, думаю, давали им названия вполне логично. Ангара, к примеру, на бурятском языке называется Ангар Мурэн, а на эвенкийском, насколько мне известно, — Анара. И на том, и на другом языке это означает как бы раскрытый рот, пасть животного или расщелину. Скорее всего, это название дали предки, увидев место, где вытекает Ангара из Байкала. А Енисей, кто не знает, по-эвенкийски звучит как Ионесси — большая вода. Вполне всё логично.

— С тобой, журналистом, разве поспоришь? — громко засмеялся Константин и, стараясь сменить тему, спросил Дамира: — Не проскочим мимо Шаман-камня на этот раз за разговорами?

— На этот раз вы не заставите меня проехать мимо, даже увлекая интересными разговорами, — отозвался Дамир. — Да вот он уже виден. Смотрите влево. Вон белеет...

— Белеет парус одинокий в тумане моря голубом! — продекламировал Константин.

— Ну, скорее, он серый, чем белый, верхушечка у него белизной отдаёт только, — пояснил бывавший здесь не один раз Дамир.

— И не одинокий: вон там, посмотрите, второй камень за ним виднеется, — показал рукой в окно «Волги» Володя.

— Да, там есть и второй выступ, — объяснял дальше, посягая на права экскурсовода, Дамир. — При ближайшем рассмотрении видно два камня, но на деле это одна большая подводная скала в этом месте выглядывает на поверхности. Когда в Ангаре много воды, второй почти не виден с берега. Да и так издали не каждый различит, что там два камня. Это вот Володька глазастый. Не зря в армии наводчиком орудия был.

— А доплыть до него можно? — спросил Витя-Перец.

— Пробуют смельчаки, доплывают, бывает, но не все, — сказал Дамир. — Здесь очень сильное течение, относит. Камень лежит примерно в полукилометре от берега. Как раз посередине реки. Ну, я думаю, что мы геройство проявлять не станем. У меня есть брезент в багажнике, расстелем его у машины, посидим у берега, окупёмся, купаемся в Ангаре.

— Ну, ты, Дамир, оборудован на все случаи жизни! — восхитился Константин. — Может, ещё и палатку с собой возишь?

— Есть и палатка двухместная, — улыбнулся Дамир. — Но, наверное, ставить её сегодня не будем... В другой раз как-нибудь... Может, когда с ночевой надумаем поехать.

Расстелить брезент вызвались помочь Дамиру Исаак и Витя-Петрец, а Константин с Володей спустились к Ангаре.

— Где-то здесь, метрах в сорока от берега, восемь лет назад утонул драматург Александр Вампилов, — сказал Константин, когда они подошли к воде.

— Это который «Старший сын» пьесу написал? — спросил Володя. — По ней ещё фильм поставили...

— И «Старший сын», и «Утиная охота», и «Прощание в июне», и «Прошлым летом в Чулимске», и ещё много чего написал Александр Валентинович за свои тридцать пять лет жизни, — вздохнул Константин и, подняв с берега камешек, запустил его в реку. — Он, кстати, два дня не дожид до тридцати пяти. Утонул семнадцатого августа, а девятнадцатого ему тридцать пять бы исполнилось...

— А как это случилось? Лодка перевернулась? — Володя тоже поднял камешек и бросил в воду.

— Да, лодка столкнулась с бревном-топляком и перевернулась. С ним был его друг, писатель Глеб Пакулов. Глеб успел, зацепился за лодку, а Александр поплыл к берегу. Как установили потом, у него сердце не выдержало. Не доплыл метров сорок до берега. А Глеб спасся.

Они постояли, молча глядя на реку, на Шаман-камень, на противоположный берег.

«Вот так бежит река, течёт вода. Вода даёт жизнь людям, а бывает, и отбирает её, — думал Володя, глядя на Ангару и невольно сравнивая её с Бирюсой. — Конечно, Бирюса и мельче, и поуже Ангара, а ведь тоже сколько людей утонуло и в ней. И сколько топляков стало тому причиной».

— А откуда здесь топляки? — спросил он, оторвавшись от дум своих и оторвав от размышлений Константина. — Здесь же лес не сплавляют, как у нас на Бирюсе.

— Я слышал, что раньше сплавливали и здесь, плоты даже гоняли, — ответил медленно, видимо, ещё находясь в своих раздумьях, Константин. — Ну и даже где лес не сплавливают в промышленных масштабах, всё равно топляки бывают. Река по весне разливается, заходит на берега, подмывает корни деревьев, деревья падают в воду и плывут по течению. Нормальный, естественный процесс, продуманный природой. Природа же не виновата, что человеку не сидится на месте и он то плавает, то летает с помощью различных приспособлений типа лодок, катеров или самолётов.

— Эй, мечтатели! — окликнул их Дамир. — Вы купаться надумали, или к пикнику приступим сначала?

— Друзья мои, я вот что предлагаю, — сказал Константин, вернувшись к «Волге». — Давайте сначала искупаемся, сфотографируемся на фоне реки и Шаман-камня, а потом уже к еде-питью приступим. У меня фотоаппарат с собой есть.

— Импортный? — спросил Дамир.

— Нет, наш — «Зенит», но вариант экспортный, четыре сотни рублей стоит.

— Ну давайте, — согласился Дамир. — Сначала у моей машины сфотографируемся, потом на фоне Ангары. Я сомневаюсь, что Шаман-камень видно будет на фотографии. Слишком далеко он.

Пока друзья выстраивались у «Волги», Константин фотографировал речные дали.

— Да, — согласился он с Дамиром, глядя в окошечко фотоаппарата. — Шаман-камня на снимке видно не будет. В следующий раз другой объектив из дома возьму. Он приближает почти в десять раз.

Константин сфотографировал всех на фоне реки и у машины, потом отдельно Дамира за рулём и у капота. После этого фотоаппарат взял Дамир и запечатлел на плёнку четверых студентов.

— Пока хватит, плёночку импортную побережём, — сказал после этого Константин, складывая фотоаппарат в коричневый футляр. — Чуть позже запечатлеем всех в пляжном варианте, когда искупаемся.

Первым снял с себя рубашку и брюки Витя. Он постоял возле машины в плавках синего цвета, отливая белизной тела и краснотой лица, а потом несмело пошёл к реке.

— Как водица? — спросил подошедший Константин, когда Витя зашёл в воду.

— Терпимо. Хотя сначала холодноватой кажется.

— Это только сначала. Искупи́мся — теплее станет. Ты вот что, Витяня, за мной не гонись, я попробую до камня доплыть. Если почувствую, что не получится, вернусь. А ты тут поплескайся и пока никому не говори, что я задумал.

— И я с тобой поплыву, — сказал вдруг Витя.

— Витя, это дело опасное, а ты человек впечатлительный, не дай Бог переволнуешься... А вода холодная, ещё и ноги может свести, — попробовал отговорить его Константин.

— М-мне не с-сведёт, — ответил Витя, явно уже волнуясь. Его лицо стало ещё краснее. — Я... я... я... У нас в д-деревне т-тоже р-речка есть... Я её по п-пять раз п-переп-плывал! Т-туда и об-обратно!

— Хорошо, только успокойся. Берусь тебя сопровождать, — улыбнулся Константин. — В принципе, мы ничем не рискуем, вернёмся сразу, если что не так пойдёт.

— И я с вами! — уверенно сказал Исаак, захо-дивший вслед за ними в воду в белых в чёрную

полосочку плавках, слышавший их разговор. — Для меня пятьсот метров — не расстояние.

— Ладно! — согласился Константин. — Но только давайте держаться все вместе, и берите всё время влево, чтобы не отнесло течением, а то потом под Иркутском вылавливать будут.

Они зашли в реку по пояс и почти одновременно поплыли.

Когда Володя и Дамир, ещё ничего не знаящие о планах приятелей, разделись и спустились к воде, Константина, Исаака и Виктора можно было различить только по головам.

— Хорошо плывут, — отметил Дамир. — Хотя на Олимпийские игры в Москву отправляй.

— Слушай, Дамир, тебе не кажется, что они к Шаман-камню нацелились? — спросил приятеля Володя, с тревогой в голосе. — Я, когда переодевался, слышал обрывки их разговора, но значения не придавал. А теперь понял, что Костя решил плыть к камню, а эти двое за ним.

— Эй! — крикнул уплывающим от берега Дамир. — Давайте назад! Не дурите! Я вам говорю, течение большое!

Но навряд ли уплывающие слышали его. Тем более что со стороны посёлка послышался рокот лодочного мотора и вскоре показалась лодка «Казанка».

— Мужики, хотите, до Шаман-камня и обратно прокачу? — спросил обеспокоенных друзей, заглушив мотор лодки, подплывший к ним мужчина лет сорока, в курточке-штормовке, — всего за пять рублей могу доставить вам такое удовольствие.

— У нас ещё трое, вон своим ходом туда пошли, — сказал Володя, показав рукой на реку.

— Боюсь, им помощь нужна будет, — высказал своё мнение лодочник. — Берусь помочь всем и всех благополучно высадить на берег. За всё — червонец. Считайте, что даром — только затраты на бензин оплатите. Это ради уважения к вам и вашим способностям.

— Откуда вы знаете, на что мы способны? — спросил Дамир.

— Да вижу уже, что парни вы не простые. Чего-то стоите в жизни. Уважаю таких. Ну что, садитесь, поплывём за вашими героями?

— Ну, давай, — согласился Володя. — Надо их подстраховать.

— Ладно, — кивнул Дамир, — я тогда фотоаппарат Константина прихватчу и машину закрою.

Володя часто потом вспоминал этот летний день и считал его одним из лучших в своей прожитой жизни. Лодка плыла, пересекая и рассекая реку, а над ней и под ней, отражаясь в воде,плыли небольшие облака и синело небо.

Он помнил всё, что происходило тогда.

Помнил, как они нагнали решившихся на заплыв пловцов, ни в какую не хотевших оставить задуманное и пересечь к ним в лодку. Володя особенно

волновался за Витю-Перца, но тот неожиданно для всех на второй половине дистанции обошёл Константи́на и уверенно финишировал первым. Витя махал лодке, держась одной рукой за камень, когда к нему подплыл Константин и, было видно, похлопал по плечу. А вот Исаака они всё-таки подобрали. Метров за сто до камня он начал сигналь, и лодочник вместе с Дамиром помогли ему забраться в лодку.

— Пальцы на левой ноге свело, — оправдывался перед приятелями Исаак.

— А зачем поплыл-то, коли не уверен в себе? — спросил его грозно Дамир. — А если бы нас не было рядом? Тогда как? Пошёл бы на дно?.. Как тот былатель?..

— Если бы нас рядом не было, он бы не поплыл, — ответил за притихшего друга Володя. — А так — вот живое воплощение супермена, Константин наш... Хочется в грязь лицом не ударить...

— Да если бы не свело пальцы, то я бы доплыл... — тихо сказал Исаак.

— А я тоже, ещё до армии, примерно до того места доплыл, что и ты, — сменил тон Дамир. — Тоже друзья на лодочке подобрали. Но у меня тогда просто силёнки кончились. Больше не пробовал.

Потом они позировали на разогретом на солнце тёплом камне. Сначала всех друзей сфотографировал лодочник, затем фотоаппарат поочерёдно брали Исаак и Дамир, перебираясь в лодку. После Константин сделал снимки каждого в отдельности.

Помнил Володя и о том, как заспорили Витя с Исааком, что проплывут без передыху обратно. Как все отговаривали их от продолжения заплыва, говоря, что они тоже хотят преодолеть себя и водную преграду. Особенно не унимался Исаак. Он всем хотел доказать, что сошёл с дистанции по уважительной причине и сейчас может легко преодолеть её в обратном направлении. Константин, как всегда, был верен себе и, пойдя на уступки друзьям, предложил соломоново решение: ему и Виктору, покоровившим Ангару, сесть в лодку, а остальным плыть обратно своим ходом.

Навсегда запомнил Володя свой первый в жизни большой заплыв от Шаман-камня до берега. Как он плыл, преодолевая сопротивление течения Ангары, и, по совету Константи́на, всё чаще загребал вправо. Помнил, с каким счастьем и восторгом победителя вышел он на берег после заплыва и как лежал на траве, глядя на проплывающие облака. Помнил пикник на брезенте у «Волги», как Константин, угостив друзей «Капитанским джином», достал затем гаванские сигары и Володя поддался на уговоры «не отрываться от коллектива» и закурил.

Удивительно, но, придерживаясь совета Константи́на, он втянул в себя дым, не закашлявшись и даже не поперхнувшись, выпустил.

От выпитого джина, закуски и затяжки стало ему хорошо как никогда. Он видел, что прекрасное настроение было у всех его друзей, включая непьющего Дамира, размахивающего сигарой и рассказывающего им о том, как и где он рыбачил и в каких местах переплывал Ангару. Они снова вспомнили погибшего Вампилова, и Исаак сказал, что в этом месте собираются соорудить памятный знак, а ещё хотят поставить в Иркутске памятник драматургу и назвать улицу и театр его именем.

3.

Рельс был мокрым и холодным. Евгений дотянулся до него левой рукой и попробовал подтянуться.

Он изо всех сил гнал от себя желание закурить.

«Я же не начал курить с того дня, там, у Шаман-камня... Побаловался только сигарой... И потом, когда ехали из Москвы, тоже... Мог бы и не начинать...»

4.

На инструктаже в вагонном депо станции Иркутск они узнали, что во время Олимпийских игр Москва будет принимать не все пассажирские поезда и план их поездок корректируется. До начала Олимпиады они поедут, как и полагалось, по маршруту поезда — в Москву, во время же игр, с середины июля и первую неделю августа, «Байкал» пойдёт до Ленинграда, в объезд столицы, а потом снова по расписанию — в Москву.

— У вас, студентов, как и планировалось раньше, получится по четыре поездки, с отдыхом между сменами, — сказал им инструктор депо. — Конкретно на вашу бригаду выпадает три поездки до Москвы и одна до Ленинграда. В июле первая поездка будет в Москву, потом в Ленинград, а в августе — дважды в столицу. Кто-то из вас был там уже?

— Меня родители Москву и Ленинград показывать возили, — ответил за всех друзей Константин. — У остальных есть счастливая возможность пережить трепетное волнение первого свидания со столицей и городом на Неве.

— Но сильно-то вам разгуливать по столицам не придётся, — предупредил инструктор. — Вы же не отдыхать едете — работать. Надо будет вагоны подготовить к обратной поездке. Но мы учитываем, что вы — студенты и вам всё любопытно, поэтому организуем для вас небольшие экскурсии в первые две поездки. А дальше вы там сами решайте между собой, кто на экскурсии когда пойдёт.

— Да, понимаем, — снова сказал за всех Константин. — Я, как человек, уже бывавший в столицах, могу пожертвовать своими прогулками и остаться драить вагоны...

— Ну, драить будешь палубу на корабле, если в морской флот служишь попадёшь, — улыбнулся

ему инструктор. — А у нас достаточно хорошей уборки. Полы помыть, полки протереть, использованное бельё собрать, сложить, новое приготовить. Опытные проводники заранее готовятся в обратный путь, ещё на подъезде к конечной станции. Берите пример с них, и работа вам не покажется тяжёлой.

— Ну что, друзья мои, у нас у всех есть возможность убедиться на собственном опыте, что проводник пассажирского вагона — первейший друг пассажира в пути! — говорил с пафосом Константин, когда они вышли из вагонного депо и шли по мосту через Ангару. — Я знал людей, которые много лет работали проводниками и улучшали своё благосостояние на этом поприще, манипулируя постельным бельём, чаем, продавая жаждущим водку и пиво втридорога. Но мы, честные советские студенты, не будем идти по их дорожке, обирать простых граждан, вымогая у них, пользуясь случаем, последние гроши. Мы — птицы другого полёта. Наши клиенты, как правило, люди уже обеспеченные, желающие немного большего, чем все остальные граждане, а значит, стремящиеся приобрести дефицитные товары во что бы то ни стало и невзирая на его цену.

— Ты нам снова предлагаешь джинсами торговать? — спросил Володя товарища. — Если в поезде попадёмся на продаже товара, то точно больше не поедem никуда и с универа вдобавок вылетим.

— Вова, не смотри на меня такими глазами! Я вам пока предлагаю совершить романтическое путешествие по стране до Москвы, честно выполняя обязанности проводников пассажирских вагонов и, заметь, получая за это заработную плату. Только и всего, — Константин, положил руку на плечо Володи. — А после первой поездки у нас будет время проанализировать, сделать выводы и, возможно, повторяю — возможно, что-то сделать хорошего для определённой категории пассажиров, которые сами, подчёркиваю — сами, стремятся к этому.

5.

Перед поездкой им выдали форменную одежду — курточки с эмблемами студенческого строительного отряда Иркутского госуниверситета и нашивками с названием поезда «Байкал». В день отъезда новых проводников построили на привокзальной площади. Перед ними с напутственными речами выступили начальник Восточно-Сибирской железной дороги, первый секретарь обкома комсомола, а также ректор университета и комсомольской вожак. Освобождённый секретарь комитета комсомола университета, запомнившийся Володе ещё в вступительном собеседовании, тёзка гения русской литературы, Александр Сергеевич, был назначен начальником отряда проводников,

а его заместителем — Виктория Львовна из секретариата, тоже знакомая со дня собеседования. По несколько раз в году всем студентам приходилось иметь дело и с Тёзкой Пушкина, и с Викторией-Победительницей, как звали их за глаза учащиеся. Тёзка гения нажимал на спортивную часть и контролировал едва ли не каждого студента на предмет сдачи им нормативов ГТО и участия в спортивной жизни университета. Володя, Константин и Исаак были записаны в секции футбола и лёгкой атлетики, Витя-Перец играл в шахматных и шашечных турнирах. Несколько раз Сергееч лично вывозил студентов по группам в туристические походы, а зимой — на лыжные прогулки. В некоторых из них участие принимала и Виктория Львовна, но больше к ней обращались по вопросам быта. Она также отвечала за коллективные выходы студентов из стен вуза и общегитания на культурные мероприятия: в театры, на концерты, в музеи города.

— Ну, Тёзка Пушкина, понятно, должен быть впереди нас на белом коне по должности, — шепнул Володе Константин на построении. — А Победительница-то куда? Кто без неё на экзаменах абитуриентов строить по группам будет?

— Ну, до августа, до начала экзаменов, она с нами успеет дважды прокатиться и до Москвы, и до Питера, — подмигнул другу Володя.

Потом им представили начальника поезда из числа уже опытных проводников и двух его помощников — заместителей по всем вопросам. Вернее, помощника и помощницу. А потом неожиданно стоявший среди толпы провожающих оркестр поднял трубы и заиграл марш «Прощание славянки». Прозвучали команды «Направо!» и «Шагом марш!», и студенты-проводники пошли к ожидающему их поезду.

— Это только нас так торжественно отправляют или всех? — спросил Володя Константина, вышагивая рядом с сияющими Исааком и Витей.

— Они тут две недели так будут провожать всех. В понедельник, тридцатого июня, поехал отряд из педагогического, вчера иняз провожали, сегодня — мы, а потом, насколько знаю, политехнический поедет, за ним ещё кто-то. А когда вернёмся из первой поездки, на эти же составы новые бригады из тех же вузов заступят, и их с наставлениями и музыкой провожать будут.

Состав выставили на первый перрон за час до отправления, а минут за двадцать до начала объявления посадки пассажиров начальник поезда собрал всех проводников и в присутствии своих помощников и представителей университета провёл небольшую планёрку возле штабного вагона.

Штабной вагон, в котором разместилось начальство, имел седьмой номер и находился рядом с вагоном-рестораном. Следующим за ним был купейный вагон номер восемь, куда определили

Константина и Витю, а дальше, в плацкартном, девятым по номеру, предстояло работать и ехать до столицы и обратно Володе и Исааку.

Со своими вагонами они познакомились и побывали в них ещё до того, как поезд выставили к перрону. Заступающих на смену проводников собрали утром, по прибытии поезда из Москвы, и познакомили с проводниками депо, передающими им эстафету. Так что, собираясь в путь, заступающие на вахту проводники-студенты уже знали свои рабочие места и были проинформированы предшественниками, на что нужно особо обратить внимание.

— Не забывайте, что вагоны, в которых вы поедете сегодня, закреплены за вами на все четыре поездки. Вы так же будете сдавать их новой смене по возвращении, и так же другая ваша смена будет передавать их вам перед новой поездкой, — напутствовал начальник поезда молодых проводников. — Ну а ваши руководители, думаю, проследят за тем, чтобы всё было сделано правильно и во время поездки, и при передаче вагонов. Если что-то кому-то будет непонятно и возникнет какая-то непредвиденная ситуация, обращайтесь ко мне или моим помощникам в любое время, будь то день или ночь. Мы поможем.

— У нас с Витей был шанс стать проводниками штабного вагона, — сказал друзьям Константин, когда они расходились по вагонам. — Но я подумал, что лучше подальше надо от начальства быть...

— От начальства подальше, но всё же ближе к ресторану! — улыбнулся Володя.

— Это да! — согласился, улыбаясь, Константин. — Ну и вы недалеко от нас и ресторана, друзья. Будем в гости друг к другу ходить.

6.

Первая в жизни поездка в Москву Володи, равно как Исаака и Вите-Перца, получилась рабочей, но, конечно же, запомнившейся, начиная от торжественных проводов поезда на перроне вокзала.

И через много лет Володя помнил то своё трепетно-возвышенное чувство, с каким он вместе с Исааком стоял у вагона номер девять пассажирского поезда «Байкал» и проверял билеты у входивших в вагон пассажиров. Они смело, как опытные проводники, отвечали на вопросы пожилых семейных пар, уточнявших, в каком часу по московскому времени поезд прибудет в столицу; помогали молодым мамам с детьми подняться на подножки вагонов, поочередно затаскивая их тяжёлые сумки; улыбались и приветливо кивали всем отъезжающим и провожающим, подходившим к их вагону.

То же самое делали у соседнего вагона Константин с Виктором. Почти до самого отправления, попарно прогуливаясь вдоль состава, ходили Тёзка Пушкина с Викторией-Победительницей

и помощники начальника поезда. Они кивали проводникам, не отрывая их от работы, иногда останавливаясь и спрашивая, как идёт дела.

Работа не показалась им тяжёлой. Володе, Исааку, и Вите-Перцу было всё интересно. Они ехали по стране туда, где ещё не бывали, мимо больших городов, шумных вокзалов, через реки, тайгу и горы. Новые впечатления, новые люди, новое занятие, новая обстановка, предвкушение увидеть Москву и побывать в Ленинграде придавали новые силы. И даже, казалось, уже везде бывавший и многое видевший Константин тоже был подвержен всеобщей эйфории, постоянно смеялся, шутил, подбадривал. Утром, раза два днём и под вечер проходили по вагонам помощники начальника поезда и Сергеич с Викторией. Иногда попарно, иногда все вместе. Несколько раз за поездку делал «инспекторский» проход и сам начальник поезда. Один раз в сутки, по утрам, начальник собирал проводников и старших на планёрку, объяснял, какие станции они будут проезжать в течение предстоящих суток и на что нужно обращать более пристальное внимание. Володя дважды был на такой планёрке, и два раза Исаак. Дважды Володя дежурил днём и два раза ночью. Главное, как быстро усвоили на практике новые проводники, нужно было всегда следить за бачком с кипятком — титаном — для бесперебойного обеспечения пассажиров чаем, вовремя делать влажную уборку в вагоне и туалете, не мешкая открывать двери вагона на небольших станциях, где поезд стоит одну-две минуты, и, если пассажиры не успевают за это время произвести посадку, подать сигнал машинисту флажком или фонарём, если остановка случается в ночное время.

Всё это друзья делали вовремя и с желанием. Один раз, правда, ночью Володя проснулся и увидел спящего за столом в купе проводников Исаака. В проходе возле дверей стояли двое пассажиров, готовящихся на выход. Володя понял, что приближается станция из разряда небольших, будить друга не стал, быстро накинул на себя курточку, взял флажок и вышел в тамбур. Пока пассажиры выходили, пока Володя открывал и закрывал двери, Исаак проснулся, выскочил в тамбур и, увидев Володю за работой, стал извиняться. Володя дружелюбно подмигнул напарнику, похлопал его по плечу и предложил вместе попить чаю.

Днём, когда было свободное время, Володя с удовольствием смотрел в окно.

Тайшетград они проехали утром следующего дня после выезда из Иркутска. Трепетно билось сердце Володи, когда поезд шёл мимо шпалопропиточного завода с видневшимися из-за забора штабелями пропитанных и ещё ждущих пропитки креозотом шпал, мимо виднеющихся вдалеке домов-пятиэтажек, в одном из которых жили его мать и сестра. Он помахал улыбающимся за окно

домам, железнодорожному тоннелю, разделяющему длинную улицу на две — имени поэта Пушкина и полководца Суворова, улице Транспортной, железнодорожному саду и зданию вокзала, у которого «Байкал» остановился на пять минут. Володя смотрел на вокзал родного города, на снующих по перрону и возле вагонов людей, но не увидел и не встретил ни одного знакомого.

Зато, когда поезд набирал ход и приближался к западному переезду, он заметил знакомого мужика, который уже много лет подметал и очищал от снега виадук. Чуть сторбившись, мужик шёл навстречу поезду и нёс на плече метлу и лопату. Не поднимая глаз на поезд, он придерживал правой рукой черенки. Володя мысленно помахал и ему, и дежурившей на переезде женщине, что стояла с флажком на крыльце будки, и жителям дома, расположившегося внизу откоса, совсем близко к железной дороге. Жителей он не видел, но подумал, что кто-то, наверное, всё-таки смотрит в окно, провожая поезд. И ещё одного знакомого он увидел на подъезде к станции Бирюсинка. Пожилой обходчик пути, его бывший сосед по дому на Северо-Вокзальной улице, стоял на обочине, провожая пассажирский поезд. В порыве восторга Володя поднял вверх сразу две руки, но не был уверен, что бывший сосед заметил и узнал его. А поезд промчался по станции Бирюсинка, где три бойких девчонки, видимо старшеклассницы, стоя под откосом недалеко от моста, махали проезжающим мимо пассажирам. Увидев в окне Володю, они обрадовались. Одна из них даже подпрыгнула и замахала живее. Володя, сцепив обе руки, поприветствовал девчонок. Поезд на большой скорости влетел на мост, пересёк речку Бирюсу, буквально ворвался в Городок на Бирюсе и, промчавшись мимо домов и людей, устремился дальше, через поля и леса, к другим, ещё не виданным Володей городам и маленьким станциям.

Из первой своей дальней поездке Володя запомнил названия больших рек и городов, мосты и вокзалы. Енисей и Красноярск, Обь и Новосибирск, Омск и Иртыш. А ещё запомнилась широкая река Кама и вокзалы уральских городов Пермь и Свердловск.

На станции Кунгур в вагон сел бойкий мужичок с большим чемоданом. Кое-как пристроив и закрепив свой чемодан на верхней полке, он потребовал от дежурившего Володи «чаю покрепче и послаще». Когда Володя раскалывал в тамбуре полешки, чтобы подбросить их в топку водяного котла, мужичок подошёл к нему и, улыбнувшись, сказал:

— Вот Расея, всё никак без топора обойтись не может. Я на Западе был недавно, так там никто воду в вагонах с помощью дров давно уже не кипятит. Всё на электричестве работает. Автоматически вода поступает в котёл, и подогрев

до нужной температуры идёт. Всё почти без участия человека. А у нас — коли-руби. Пока чаю дождётся, замёрзнешь.

— Да и у нас уже вагоны с таким оборудованием есть. Правда, на международных направлениях пока только, — сказал проходивший мимо и услышавший рассуждения пассажира начальник поезда.

— Да, есть уж... — усмехнулся мужичок. — Отходы туалетные по всем магистралям страны на рельсы только и летят с вагонных унитазов. А вот на Западе туалеты со специальным раствором, убивающие запахи. Я интересовался: все отходы в контейнеры собираются, а контейнеры меняют на конечных станциях. Как в самолётах. И на стоянках туалеты на целый час никто не закрывает.

— У нас тоже в этом направлении работа ведётся. Пока тоже на международных маршрутах новинки внедряются, — настойчиво убеждал пассажира начальник поезда. — Но наша страна большая. Это не Голландия с Бельгией и даже не Англия с Францией. И поезд — не самолёт. Он бывает неделю в пути. У нас огромные просторы, и в поездах внутренних маршрутов сложно пока делать замены контейнеров с отходами и очень затратно. Но я уверен: решение найдут. И у нас будет электроотопление в вагонах и электроподогрев котлов с водой, и туалеты перестанут закрывать на стоянках.

— Будет... Лет через пятьдесят! — махнул рукой пассажир и пошёл на своё место.

Когда он выпил чаю и подобрел, то, рассчитываясь с Володей, вдруг спросил:

— А ты, молодой человек, знаешь, с какого я особенного города еду в столицу?

— Ну, вы вроде на станции Кунгур сели...

— Да, в Кунгуре. А чем знаменит Кунгур, знаешь?

Володя пожал плечами.

— Кунгур — столица российской игрушки! А я самым непосредственным образом причастен к этому. Я делаю игрушки! Работаю старшим мастером на заводе художественных изделий. Ты извини, что я тебе тут Запад расхваливал. Был там недавно в командировке. В выставке участвовали мы. Всё ещё под впечатлением от увиденного нахожусь. Там, конечно, много хорошего и цивилизация быстро развивается, но зато у них такого размаха, такой души нет! Всё у них вроде бы и красиво, но как-то без души. И игрушки их какие-то бездушные. Автоматы больше. Стреляют, стрекочут, бегут... А вот остановиться, приглядеться, полюбоваться, отдохнуть душой... этого нет. Ладно, парень, спасибо тебе за чай. Не буду тебя больше отвлекать. У тебя и без меня дел хватает.

Володя согласно кивнул. Ему хотелось поговорить с этим человеком, послушать рассказ о кунгурских игрушках, посмотреть на творение

рук мастера. Но ему действительно было некогда: нужно было разослать чай пассажирам, убирать вагон, менять постельные бельё.

Чем ближе приближался поезд к столице, тем больше становилось работы у проводников. Володя заметил, что новые пассажиры совсем не похожи на привычных ему сибиряков. Они более привередливы, более холодны в общении. Впечатления первых дней поездки, восторг от увиденного постепенно притупились и сменились рутинной работой. Всё меньше оставалось времени проводникам смотреть в окно и восторгаться увиденным. В памяти запечатлелись необычные названия станций: Буй, Данилов, остановка в Ярославле.

7.

Ещё на подъезде к столице по радио объявили, что поезд прибывает на конечную станцию — в город-герой Москва. Въезжая в город, поезд сбавил ход. Володя с Исааком с восторгом, не веря происходящему, то и дело выглядывали в окна, надеясь увидеть что-то знакомое, виденное ими на картинках, по телевизору или в кино.

— Смотри! — вдруг крикнул Исаак, и сердце Володы замерло: за окном вагона в нескольких метрах от них промелькнула Останкинская телебашня.

— Мы в Москве! — не стесняясь пассажиров, выкрикнул Исаак и бросился обнимать товарища.

На Ярославский вокзал «Байкал» втянулся после пятнадцати часов. Когда последние пассажиры, попрощавшись, покинули вагоны, по составу прошла помощница начальника поезда, сообщая проводникам, чтобы они все шли в вагон-ресторан.

Володя закрыл на ключ купе проводников и входную дверь вагона и окликнул Исаака.

— А что в вагоне-ресторане делать? — спросил его Исаак. — Неужто отмечать приезд в Москву будем?

— Да скорее всего опять инструктаж какой-то будет начальник поезда проводить, — сделал предположение Володя, оценив улыбкой шутку напарника.

Действительно, в вагоне-ресторане состоялось собрание всей поездной бригады проводников, на которой начальник поезда сообщил, что принято решение: организовать коллективный выезд в город всех проводников-студентов.

— Поскольку в обратный путь до Иркутска «Байкал» отбывает поздно вечером, вы все, в сопровождении ваших старших товарищей, — сказал начальник, кивнув на Тёзку Пушкина и Викторину-Победительницу, — отправляетесь на метро в город на три-четыре часа. А после, возвратившись, усиленно готовите свои рабочие места к новой поездке и приёму пассажиров. Думаю, так будет правильно и никому не обидно.

Проводники-студенты приняли это известие одобрительными возгласами и громкими аплодизментами.

— Друзья мои! — обратился ко всем комсомольский вожак. — Мы с Викторией Львовной разработали маршрут нашей экскурсии по столице. Сейчас все дружно спускаемся в метро, бросив в автомат по пять копеек. У всех есть пятикопеечные монеты? Если нет, не расстраивайтесь. В метро стоят разменные аппараты и разменяют вам на пятачки и десяти-, и пятнадцати-, и двадцатикопеечные монеты. Спускаемся вниз все вместе по лестнице-чудеснице, то есть эскалатору, и едем до станции «Проспект Маркса». Выходим там у гостиницы «Москва». По проспекту Маркса идём мимо здания Госплана, мимо Дома Союзов к Большому и Малому театрам. Смотрим на театры со стороны. Возле памятника Карлу Марксу поворачиваем к музею имени Владимира Ильича Ленина, проходим к Историческому музею. В Александровский парк и к Вечному огню мы, наверно, не попадём. В это время там всегда много народу и оттуда тянется очередь к Мавзолею Ленина. Постараемся пройти на Красную площадь, посмотреть хоть издали на Мавзолей. Если пройти со стороны здания Исторического музея не получится, тогда пройдем через ГУМ и выйдем к памятнику Минину и Пожарскому и храму Василия Блаженного. У кого есть фотоаппараты, можно будет сфотографироваться с товарищами на Красной площади. Но задерживаться там не будем, пройдем по Васильевскому спуску к мосту через Москва-реку в Замоскворечье и пойдём к Третьяковской галере. Виктория Львовна знает все пути-дороги от Кремля до Третьяковки и нас проведёт кратчайшим путём. Если всё сделаем организованно, не будем отвлекаться, отставать и теряться, то успеем часок-полтора походить по Третьяковке, посмотреть на картины великих художников. Сразу хочу предупредить всех: никаких походов и отлучек по магазинам не будет. Будем проходить сувенирные лавки, можете купить себе и своим что-то на память о Москве. А ГУМ, ЦУМ, «Детский мир» оставите на потом, когда в другой раз приедете и, если время будет, сходите. Всё понятно?

— Понятно! — несколько голосов ответили студенты и пошли по своим вагонам собираться на экскурсию.

Минут через двадцать после собрания группа студентов-проводников численностью более тридцати человек выстроилась возле штабного вагона.

— Все собрались? — спросил Александр Сергеевич и, получив ответ, что все, сказал Победительнице: — Виктория Львовна, ведите нас.

— Пойдёмте, — улыбнулась Виктория-Победительница, встав во главе колонны, рядом с Тёзкой Пушкина.

— Видите впереди крыши, похожие на гребешки петушков? Это здание Ярославского вокзала, — громко пояснил на ходу комсомольский лидер университета. — Недалеко от него, на Комсомольской площади, или площади Трёх вокзалов, как называют это место сами москвичи, находится Ленинградский вокзал, а между ними — станция метро «Комсомольская», куда мы и идём все.

Возле входа в метро Виктория Львовна оставила колонну и показала на противоположную сторону:

— А вот и здание Казанского вокзала. Всем понятно теперь, почему площадь Трёх вокзалов называют? А правее, за железнодорожным мостом, вы видите высокое здание со шпилем. Это одна из семи сталинских высоток, которые строили к восьмисотлетию Москвы. Это гостиница «Ленинградская».

— А раньше Казанский вокзал назывался Рязанским, — сказал Константин, стоявший рядом с Викторией.

— Да, он назывался когда-то Рязанским. Но переименование названий — это отдельная история, и сейчас мы её касаться не будем, — ответила, глядя на него, Виктория. — У нас не так много времени, поэтому поспешим в метро.

— Поспешим, — согласился с ней Константин.

В вестибюле метро несколько экскурсантов сразу направились к разменным аппаратам.

— Друзья! Забыл предупредить: аппараты не принимают юбилейные монеты тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года! — крикнул им вслед Сергеич. — Только образца тысяча девятьсот шестьдесят первого года!

— Пошли разменяем, — Исаак протянул Володе пятнадцать копеек.

— Да у меня есть пятаки, и на тебя хватит, — Володя сунул руку в карман куртки.

— Ну и что, что есть? — подмигнул Исаак. — У меня тоже есть. Интересно же ведь бросить в аппарат одну монету, а получить три или четыре...

Исаак сиял от полученного удовольствия, когда, бросив в аппарат двадцать копеек, забрал из него четыре пятака.

Волода с волнением опустил в щёлочку с отметкой «15» полученную от Исаака монету и после того, как вниз со звоном упали три пятака, тоже с нескрываемым удовлетворением забрал их.

Турникеты проходили кто с опаской, осторожно, кто весело, но торопясь на зелёный огонёк. На подходе к эскалатору Сергеич выстроил всех в колонну по одному и наказал придерживаться правой стороны, давая возможность спешившим людям проходить мимо без препятствий.

А спешивших было немало, они быстро пробегали вниз по движущейся лестнице или шли степенно, искоса поглядывая на выстроившихся справа от них студентов.

«И куда они торопятся-спешат? — задавал себе вопрос Володя, провожая торопящихся взглядом. — Ведь лестница-чудесница сама везёт всех. Зачем ещё идти?»

Перед посадкой в вагоны Сергеич снова провёл инструктаж.

— Мы все в один вагон навряд ли войдём, — сказал он столпившимся передним студентам. — Поэтому разбиваемся на три группы. В одной старший я, во второй — Виктория Львовна, а в третьей будешь ты, Выборов, поскольку в Москве не новичок. Понятно?

— Так точно! — засмеялся довольно Константин и начал притягивать к себе Володю, Исаака, Витю-Перца и ещё нескольких стоящих рядом с ним студентов. — Вот эти десять-двенадцать человек со мной. Занимаем последний вагон и выходим на станции «Проспект Маркса». Правильно, Александр Сергеевич?

— Правильно, Константин! — довольно сказал комсомольский лидер. — Все выходим на «Проспекте Маркса». В вагоне объявляют громко все остановки. А там все снова собираемся и поднимаемся вверх по эскалатору.

— Моя группа — за мной! Электричка прибывает! — скомандовал громко и весело Константин и пошёл по платформе навстречу прибывающему поезду.

Несколько парней и девушек вместе с Володей, Исааком и Витей-Перцем пошли за ним.

— В вагоне три двери. Чтобы не толпиться, сосредотачиваемся вдоль всего вагона и входим в ту, которая ближе к вам. Девушки занимают свободные места, юноши — по обстоятельствам, — напутствовал перед посадкой в вагон Константин последовавших за ним студентов.

Он первым вошёл в средние двери вагона оставившейся электрички и занял место у противоположной двери. Проследив за тем, чтобы вся группа вошла в вагон, он одобрительно кивнул и подозвал к себе приятелей.

— Я обычно вот тут всегда место занимаю. Никому не мешаешь здесь. Двери в большинстве своём открываются с одной стороны. Редко где станции на другую сторону выходят. А ехать нам недолго — три остановки, на четвёртой выходим. Минут десять, от силы пятнадцать.

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Лермонтовская»! — объявили по вагону.

Дверь закрылась, и поезд, как показалось Володе, со звуком, похожим на старт космического корабля, набрал обороты и ринулся вперёд. Через несколько секунд он нырнул в тоннель, освещённый светом электрических лампочек.

— М-мы едем или л-летим? — спросил покрасневший Витя-Перец.

— Летим, Витяня, на свидание с Красной площадью! — торжественно сказал Константин, похлопав приятеля по плечу. — Достопримечательности столицы ждут нас!

Мелькание лампочек и гудение «реактивного двигателя» вскоре сменилось на протяжный свист, и поезд выехал на станцию «Лермонтовская». Двери открылись, выходящий поток пассажиров сменил поток входящих.

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Кировская»! — снова объявили по вагону.

Двигатели загудели, и электричка, рванувшись с места, снова вошла в тоннель.

Большинство из пассажиров, едва войдя в вагон и усевшись на скамейки, сразу же доставало из сумок и карманов газеты и книжки и, не обращая внимания на сидевших и стоявших рядом людей, принималось за чтение.

— СССР — самая читающая страна в мире! — прокомментировал, глядя на пассажиров, Константин. — А Москва — самый читающий город в СССР!

После «Кировской» электричка остановилась на станции «Дзержинская».

— Следующая — наша, будем готовиться на выход, — сказал Константин, когда отъехали от «Дзержинской», и подал сигнал сидящим и стоящим студентам, чтобы они двигались к выходу.

8.

— Ну что, все вышли из светлого подземелья на свет дневной? — спросил Сергеич, когда студенты-проводники выстроились возле подземного перехода.

— Все, — ответил Константин, стоящий ближе всех к комсомольскому жожаку.

— Ну, тогда обратите внимание: прямо перед нами Исторический музей, а за ним Красная площадь, — показал рукой в сторону красного здания Сергеич. — Но мы пока туда не пойдём. Сейчас мы стоим возле знаменитой гостиницы «Москва». Это здание слева от нас. Из окон верхних этажей гостиницы проживающие здесь счастливики могут видеть Красную площадь, Спаские ворота Кремля и храм Василия Блаженного, если говорить по-простонародному, или собор Покрова Пресвятой Богородицы — на языке служителей Русской православной церкви. Мы увидим и этот храм, когда будем на площади. А вот сзади нас, через улицу, с левой стороны улицы Горького, здание другой гостиницы — «Националь», а справа — Госплан СССР. Мы сейчас дружно, не отставая, пройдем мимо гостиницы «Москва» и Госплана и увидим ещё кое-что интересное. Виктория Львовна у нас сегодня в роли экскурсовода, она пойдёт впереди и будет нам рассказывать.

— Хорошо, — улыбнулась Виктория-Победительница. — Спасибо за доверие, Александр Сергеевич. Поскольку у нас не так много времени на экскурсию и нужно ещё дойти до Третьяковской галереи, я не буду вдаваться в исторические подробности, а просто буду комментировать. Естественно, то, что знаю. Договорились?

— Договорились, Виктория Львовна, — снова ответил за всех стоящий теперь рядом с Викторией Константин.

— Ну, тогда пошли.

Володя, Исаак и Витя-Перец, стараясь не отставать от Константина, шли следом за Победительницей.

Надо отдать должное Виктории Львовне: она говорила со знанием дела. Не вдаваясь в подробности, она, обращая внимание на Дом Союзов, рассказала студентам, что до революции здесь располагалось Благородное собрание дворянского общества, что в здании есть Колонный зал, в котором прощались с Лениным и Сталиным после смерти вождей, и что в настоящее время Колонный зал часто служит местом проведения концертов, которые транслируют по Центральному телевидению.

Многие студенты одобрительно закивали, слушая рассказ своего экскурсовода. Им приходилось видеть по телевизору трансляции из Колонного зала Дома Союзов.

Восклицания раздались в толпе, когда перед экскурсией открылся Большой театр.

— Над фасадом театра — скульптура древнегреческого бога Аполлона, покровителя искусства. Он управляет четвёркой лошадей, или, как её называют в литературе, квадригой, — поясняла Виктория. — А справа — Малый драматический театр; чуть дальше, если идти к площади Дзержинского, расположен знаменитый «Детский мир». Но вы посмотрите направо. Это красивое здание — ещё одна гостиница. Называется «Метрополь». После революции некоторое время здесь, после переезда из Петрограда в Москву, располагалось Советское правительство. И здесь в ноябре тысяча девятьсот двадцать пятого года, в зале ресторана, состоялся первый Московский международный шахматный турнир с участием тогдашнего чемпиона мира кубинца Капабланки, экс-чемпиона Ласкера из Германии и других известных шахматистов того времени.

Рассказывающая всё это Виктория Львовна в глазах Володи и раскрывшего рот Исаака превращалась действительно в Победительницу. Скорее всего, и Витя-Перец, и многие другие студенты проникались к ней всё большей и большей симпатией.

Слушал её внимательно и Константин. Хотя было видно, что он немного нервничает и поглядывает на часы. Однако это не помешало ему

запечатлеть друзей на фоне Большого театра, щёлкнув несколько раз затвором фотоаппарата, а потом попросить Александра Сергеевича сфотографировать его с Викторией Львовной. Едва Сергеич успел нажать на спуск фотоаппарата, как рядом с Викторией и Константином выстроились почти все студенты. Получилась групповая фотография.

Как и было обговорено ранее, от памятника Карлу Марксу экскурсия вышла на площадь Революции, к зданию музея В. И. Ленина.

По пути к музею студенты-проводники пошли мимо торговых палаток с сувенирами: матрёшками, ложками и шкатулками с рисунками Кремля и олимпийского медведя. Олимпийская тема была отображена на авторучках, летних кепках, футболках, пакетах из плотной бумаги.

— Семь минут вам всем на приобретение сувениров — и идём дальше, — заметив возрастающее любопытство студентов к торговым точкам, разрешил Александр Сергеевич. — Всех ждём недолго возле музея.

Володя купил футболку с олимпийским мишкой для сестры и большой, расписанный узорами платок для матери. Витя-Перец последовал его примеру, пояснив, что футболку он покупает отцу, а платок — матери. Для братьев, их жён и племянников Виктор купил несколько сувенирных олимпийских значков. Исаак тоже не стал ломать голову и купил две футболки, платок и несколько авторучек.

— Футболки отцу и брату увезу, платок — матери, а авторучки — друзьям, — пояснил он.

Глядя на приобретения приятелей, Константин молча развёл руками. Однако у палатки, где продавали сладости — конфеты в коробках, сувенирные пряники, мармелад и шоколад, он не удержался и купил две коробки конфет.

Пока друзья разглядывали лежащие перед ними разного сорта и размера коробки со сладостями, к ним подошёл небольшого роста длинноволосый парень в тёмных очках и джинсовой куртке.

— Есть магнитофонные записи Высоцкого, Аркаши Северного, Бориса Рубашкина, — предложил он вполголоса.

— Ну, Высоцкого я в кино видел и песни его знаю, Северного тоже приходилось слышать, а кто такой Борис Рубашкин? — спросил Константин, поглядывая то на парня, то на его небольшую сумочку в правой руке.

— Из эмигрантов. Русский, но родился ещё до войны то ли в Болгарии, то ли в Югославии. Сейчас живёт в Австрии. Поёт русские романсы и дворовые песни, а вообще оперный певец, говорят. У него акцент, но песни забавно по-русски получаются. Задорные. Особенно «Казачок», — ответил длинноволосый, глядя уже только на Константина.

— «Казачка» я слышал. Если только это он исполняет, то точно — здорово! — подогрел интерес парня Константин.

Тот оживился:

— Ну, что, берёшь?

— А что просишь за кассету?

— Любая кассета по червонцу,

— А по пятнадцать отдашь?

— В смысле? — было видно, что парень опешил от неожиданного вопроса. Он даже снял свои тёмные очки.

— В том смысле, что ты просишь по десятке за одну кассету, а я предлагаю тебе по пятнадцать, — Константин невозмутимо смотрел на продавца кассет.

— За одну штуку?

— Ну да...

— Это что, шутка у тебя такая? — длинноволосый снова надел очки.

— Да, у нас в Сибири такие шутки. До Москвы они ещё не дошли, — подмигнул товарищам Константин. — А если серьёзно, давай три кассеты за четвертной. И Высоцкого возьмём, и Северного, и Рубашкина. «Казачок» его на кассете есть? Нам с друзьями почти четверо суток в поезде ехать. Будем слушать.

— «Казачок» на кассете есть, — кивнул продавец, явно соглашаясь на предложение покупателя. — Пойдём за ларёк. Прислушивать будешь? У меня небольшой магнитофон с собой. С наушниками...

— Прислушивать не буду, у меня времени в обрез. Я думаю, что тебе смысла нет обманывать нас.

— Да понятное дело! — уже восторженно и громко воскликнул парень. — Я тут почти каждый день бываю. Меня уже и милиция местная знает. Я же не валютой торгую и не джинсами импортными.

— Да понятно, что не валютой, — обняв, словно приятеля, нового знакомого за плечо и увлекая его за палатку, сказал Константин. — Хотя тоже спекуляцией это называется. Цена красная твоей кассете — рубль, от силы полтора...

Сделав несколько шагов, длинноволосый остановился и, повернувшись к Константину, спросил:

— Я надеюсь, ты всё же не следователь из Сибири?

— Нет, я не следователь, я историк из Сибири. Второй год могилу Чингисхана там ищу, — засмеялся Константин, ещё крепче прижимая продавца кассет к себе.

— Приятно иметь дело с людьми, знающими, где искать следы Чингисхана! — уже весело сказал парень.

Чтобы купить понравившиеся сувениры и собраться возле музея В. И. Ленина, студентам понадобилось около получаса.

— Ну, вы сами у себя воруете время, — недовольно проворчал Сергеич, когда все собрались

возле него и Викторией. — Придётся нам скакать «галопом по Европам». Виктория Львовна теперь будет рассказывать вам обо всём предельно кратко и на ходу, без останков. А я пойду вперёд — узнаю, пройдем ли мы к храму Василия Блаженного и Спасской башне Кремля через Красную площадь.

Рассказ Викторией Львовны о музее В. И. Ленина и Историческом музее Володя слушал невнимательно. Чуть отстав от друзей, он шёл в середине группы проводников и думал о том, как придет в Тайшетград и привезёт подарки матери и сестре, расскажет им о поездке в Москву.

9.

За Историческим музеем экскурсанты увидели большую, медленно продвигающуюся очередь, тянущуюся вдоль Кремлёвской стены из Александровского сада и поворачивающую к Красной площади. Очередь и остальных людей, оказавшихся в этот час возле Александровского сада и Красной площади, разделяло невысокое металлическое, по всей видимости, разборное, ограждение и прогуливающиеся вдоль него милиционеры, находящиеся в двадцати-тридцати метрах друг от друга.

— Это к Мавзолею Ленина люди идут, — пояснил подошедший к экскурсантам Александр Сергеевич. — Мы туда сегодня не попадём, как и не пойдём в ГУМ, что будет слева по ходу нашего движения. Посмотрим на Мавзолей со стороны и пройдем к храму Василия Блаженного и Спасской башне. Так вот, друзья мои, я знаю, что многие из вас впервые в столице нашей Родины и, в частности, в её сердце — на Красной площади. Так давайте ещё потеряем немного времени, но запечатлеем момент нашего пребывания здесь на фотографиях. Здесь работают очень профессиональные фотографы, которые быстро делают цветные фотографии и доставляют их прямо к поезду. Я никого не неволю, но прошу всех сфотографироваться. Я сам рассчитаюсь с фотографом, а когда поедем, всем раздам фотографии. Кому они будут нужны, можете выкупить за один рубль. А кому не нужны, то можно и не выкупать. Я найду применение всем фотографиям. Договорились?

— Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! Подождите! — не дав никому ответить, кричал Константин и, подойдя к руководителю, сказал: — Вы меня обижаете. У меня фотоаппарат заряжен цветной импортной фотоплёнкой, и проявку и фотографии мне сделают не хуже московских фотографов. И я каждому здесь присутствующему подарю потом по фотографии. Зачем нам лишние траты?

Тёзка Пушкина поднял вверх руку, призывая к спокойствию Константина и всех остальных, и, сделав паузу, глубоко вздохнув и выдохнув московский воздух, сказал:

— Константин, я благодарен вам за ваше участие и бескорыстие. Пожалуйста, сделайте свои фотографии и проступайте с ними как пожелаете. Но я всё-таки хочу подстраховаться и сделать фотографии ещё и у московских фотографов. Надеюсь, вы не против?

— Не против, — развёл руки Константин, грустно улыбувшись.

Сергеич, видимо, заранее договорился с фотографом, потому что, как только группа сибиряков вышла к Красной площади, человек с фотоаппаратом вышел им навстречу и предложил выстроиться напротив Исторического музея.

— А второй групповой снимок сделаем чуть подальше, на фоне Спасской башни и храма Василия Блаженного. Захватим и памятник героям войны тысяча шестьсот двенадцатого года гражданину Минину и князю Пожарскому, — перестраивая группу фотографирующихся, говорил московский фотограф. — А потом, кто желает, по одному, по двое, по трое — могу сфотографировать отдельно. Ваш старший всё запишет, а фотографии доставим к поезду, на Ярославский вокзал. Ваш же Москва — Иркутск называется? Правильно?

— Правильно, правильно... — раздался голоса.

Володя, Витя и Исаак оба раза оказывались во втором ряду по левую сторону. Первый раз с ними был и Константин, заняв позицию крайнего, а когда стали фотографироваться на фоне Кремля, он перебрался в ряд первый и встал между Тёзкой Пушкина и Викторией-Победительницей.

Оказавшись на Красной площади, видимо, охваченные волнением, Витя-Перец и Исаак смотрели на всё происходящее вокруг, словно не понимая, где они и что с ними происходит.

Когда группа разошлась, Исаака прорвало:

— Вовка, Витя, ударьте меня по плечу: сплю я или нет? Это точно я в Москве?

— Да в Москве ты, как и мы все, — хлопнув приятеля по плечу, сказал ему Володя. — Иногда мечты и сны наши сбываются.

— Я сколько раз видел во сне, что приехал в Москву, и вот я здесь! — оживился Исаак и, подняв вверх руки с покупками, кричал: — Я в Москве! Я в Москве! И я не сплю! И это не сон!

Несколько проходящих по Красной площади людей оглянулись на кричавшего, кто-то улыбнулся понимающе.

— Торноев, вы действительно в Москве, и это не сон, — сказал, подойдя к Исааку, Александр Сергеевич. — Убедитесь, если сейчас не верите, глядя на наши фотографии.

— И Александр Сергеевич со мною в Москве! — продолжал восторгаться Исаак, обняв комсомольского лидера Иркутского университета и прижав к нему пакеты с покупками. — Давайте сфотографируемся с вами, Александр Сергеевич.

На возглас Исаака, что с ним Александр Сергеевич, оглянулись многие из проходящих. Некоторые даже сбавили шаг или вообще остановились посмотреть на Александра Сергеевича, но, не найдя никакого сходства с поэтом, через несколько мгновений зашагали дальше.

Возле Исаака и Сергееича сразу появился фотограф и сделал два щелчка затвором фотоаппарата.

Константин сфотографировал друзей на фоне гума, а потом очереди в Мавзолей. У памятника Минину и Пожарскому он попросил Исаака сфотографировать его одного, а потом с Володей и Виктором. Володя сфотографировал друзей у входа в храм Василия Блаженного, а после Константин запечатлел их по одному возле Спасской башни с курантами.

Когда Сергееич собрал всех у храма Василия Блаженного, Константин выдвинулся вперёд и от имени всех студентов поблагодарил Victорию-Победительницу.

— Мы всегда любили и уважали вас, дорогая Виктория Львовна, но сегодня, думаю, выражаю мнение всех присутствующих, полюбили и уважали ещё больше. Спасибо вам за экскурсию!

С этими словами Константин достал из своей висевшей на его плече сумки коробку конфет и завёрнутые в плотную бумагу три больших красных розы.

Под общее ликование и аплодисменты Константин вручил растроганной Победительнице цветы и конфеты и, не спрашивая разрешения, поцеловал её в щёчку.

Последнее действие вызвало ещё более бурное ликование и громкие, продолжительные аплодисменты.

Лицо Виктории Львовны сделалось счастливым, а на физиономии Александра Сергеевича в это время отражались удивление и растерянность.

Этой растерянностью воспользовался Константин.

— С вашего разрешения, Александр Сергеевич, я покину вас на полтора часа, — сказал он, обращаясь к руководителю. — Поверьте, мне очень надо. Я знаю Москву и не заблужусь. Тем более что меня ждут и проводят потом друзья-москвичи. Я знаю, что вы пойдёте через мост к Третьяковской галерее. Я найду вас там или встречу у выхода из музея.

— Ну хорошо... — сказал Тёзка Пушкина, ещё не совсем придя в себя от быстроменяющихся событий и речей. — Хорошо, Константин, я надеюсь на вашу порядочность.

— Спасибо! Всем привет и приятного знакомства с Москвой! — крикнул, пользуясь моментом, Константин и тут же исчез, растворившись среди гуляющих по площади людей.

10.

От храма Василия Блаженного экскурсия вышла на мост через Москва-реку, с которого хорошо

просматривалась красная стена Кремля, тянувшаяся вдоль реки, и были видны кремлёвские постройки, возвышающиеся за стеной.

— А сейчас мы с вами переходим в так называемое Замоскворечье, где хорошо сохранились здания девятнадцатого, восемнадцатого и даже семнадцатого веков — дома купцов, мещан и разного рода князей, — продолжала рассказывать, не останавливаясь, Виктория Львовна. — Некоторые из них были описаны в литературных произведениях драматурга Островского, писателей Боборыкина, Гиляровского и других.

Большинство экскурсовода уже невнимательно, то и дело отвлекаясь на разговоры друг с другом и обсуждая покупки. Володя тоже потерял интерес к экскурсии и всё живее представлял, как он приедет в Тайшетград и расскажет о поездке в Москву не только матери и сестре, а ещё друзьям и Юрке Матзагиру.

«Надо к Юраньке в Шиткино съездить. Давно не виделись с армейским товарищем... Он сейчас мореманом авторитетным заделался, закончил мореходку... Служит в торговом флоте, в Японию, Китай грузы возит... Писал, что после десятиго июля у него отпуск. А я как раз и появилась в Тайшетграде... Дней пять у меня между поездками свободных будет. Успею и дома погостить, и до Шиткино добраться...»

Вспомнив об армейском друге, Володя невольно подумал и о его сестре.

«Интересно, как там Катя? Может, замуж уже вышла?... Надо осторожно расспросить Юрку...»

Группа студентов-проводников, разбившись на двое-трое, тянулась вдоль пешеходных дорожек, то и дело по приказу Виктории переходя улицу на зелёный свет светофора с левой стороны на правую и обратно.

Витя-Перец и Исаак шли чуть впереди Володи, тоже вполголоса переговаривались. Замыкал шествие необычно задумчивый Александр Сергеевич, не проронивший ни слова до подхода к Третьяковской галерее.

Володя шёл, думая о своём, не запоминая пути и не очень обращая внимание на дома и скверы, встречающиеся на пути. За одним из домов по правой стороне улицы они пошли вправо, а затем, снова свернув вправо, вышли к картинной галерее.

— Ну вот и Лаврушинский переулок и знаменитая Третьяковка, — выводя из прострации экскурсантов, сказала Виктория Львовна, когда группа выстроилась возле музея.

— Друзья, вот мы и на месте! — сказал, вновь взяв инициативу на себя, Александр Сергеевич. — Сейчас с Викторией Львовной мы возьмём на всех билеты. Большая просьба: не разбредаться по залам, а держаться всем вместе. Что знает, расскажет нам Виктория Львовна, что нет — спросим

на месте у экскурсоводов. Если кого-то интересует какая-то отдельная картина или творчество какого-то художника, спрашивайте меня и Викторию Львовну, будем искать вместе. К сожалению, времени у нас на всё про всё не больше часа. Но что успеем — посмотрим. Насколько я знаю, Виктория Львовна была уже в Третьяковке раньше, а я вот, как и многие из вас, впервые. Так что мне тоже всё тут в диковинку.

Студенты-экскурсанты несмело прошли в вестибюль музея и выстроились, ожидая своих руководителей, недалеко от входа.

Виктория Львовна и Александр Сергеевич вернулись к ним в сопровождении небольшого роста женщины, как оказалось — экскурсовода музея.

— Меня зовут Елена Александровна, — представилась она. — Мне сказали, что у вас очень мало времени, поэтому проведём экспресс-экскурсию. Делайте заявки. На что бы вы хотели бы посмотреть в первую очередь? Картины каких художников?

— Картины Айвазовского про море! — неожиданно, выйдя вперёд, высказался Витя-Перец.

— А я думал, что ты, как бывший тракторист, картину «Рожь» захочешь посмотреть, — сказал вполголоса Володя, улыбнувшись другу.

— Хорошо. Картины Ивана Константиновича Айвазовского посмотрим, — согласно кивнула женщина. — Ещё кого что интересует?

— «Три богатыря!» — выкрикнул Исаак.

— И на «Богатырей» Виктора Михайловича Васнецова заявка поступила, — снова утвердительно кивнула экскурсовод. — Ну, я думаю, для начала мы, не теряя времени, пойдём к этим картинам, а по ходу нашей экскурсии посмотрим и другие.

Согласно первой заявке, Елена Александровна повела экскурсию к картинам Айвазовского.

— Картины Ивана Константиновича Айвазовского хранятся в нескольких музеях нашей страны, — на ходу говорила экскурсовод, — в Эрмитаже, Русском музее и Центральном военно-морском музее в Ленинграде, в картинной галерее города Феодосии, носящей имя художника. Есть его картины в музеях Твери, Костромы, Одессы, Киева, Николаева и других городов Советского Союза.

Когда экскурсанты остановились у картин Айвазовского, Елена Александровна продолжила:

— Несколько картин художника представлены и в нашей галерее. В частности, вы можете сейчас здесь увидеть картину тысяча восемьсот сорокового года «Морской берег», «Лунную ночь на Капри», написанную годом позднее. Сразу скажу, что одну из самых знаменитых картин Ивана Константиновича, «Девятый вал», вы здесь не увидите, она находится в Русском музее города Ленинграда. Но у нас есть картина «Конец бури на море», написанная в тысяча восемьсот тридцать девятом году, то есть за одиннадцать лет до окончания

работы художника над «Девятым валом». Здесь вы можете видеть и замечательную картину «Лунная ночь на Капри», созданную в тысяча восемьсот сорок первом году. Интересны картины «Венецианская лагуна. Вид на остров Сан-Джорджо» тысяча восемьсот сорок четвёртого года и «Вид Леандровой башни в Константинополе» тысяча восемьсот сорок восьмого года.

Володя, Исаак и Витя, переходя от картины к картине, старались не отставать от экскурсовода и становились близко от Елены Александровны, рядом с Сергеичем и Викторией, слушая с интересом. Конечно, Володя понимал, что Витяня, высказав желание пойти к картинам Айвазовского, в первую очередь хотел увидеть именно «Девятый вал», но известие о том, что этой картины здесь нет и он сможет увидеть её, только будучи в Ленинграде, Витю, видимо, не расстроило, а наоборот, как показалось Володе, подзадорило, и у него теперь появился новый интерес для посещения города на Неве.

«Богатыри», виденные друзьями только на репродукциях, впечатлили друзей, да и, наверное, всех иркутских студентов, своим размахом. Картина занимала почти всю стену.

Володя заметил, что внимание Исаака привлекла и большая золочёная рама.

— Интересно, сколько эта рамка весит в килограммах? — покачал головой будущий журналист.

— Спроси у Елены Александровны — может, она и это знает, — посоветовал ему Володя.

— Да неудобно как-то... — смутился Исаак. — Пришли картины смотреть, а я про рамы буду спрашивать...

— Для журналистов не должно быть неудобных вопросов, — сказал Володя и, пока Елена Александровна не начала свой рассказ о картине, набравшись смелости, обратился к экскурсоводу: — Наш студент-журналист интересуется рамой, в которую облачена картина. Она золотая или позолоченная?

— О! — воскликнула Елена Александровна. — Это отдельная интересная тема! И вы, и ваш друг не первые, кто задаются такими вопросами. Я думаю, когда-нибудь мы будем говорить на наших экскурсиях и о рамах. Среди них есть особенные, сделанные по специальному заказу. Я пока не готова рассказывать о них. Ни о составе красок, ни о весе рам я не осведомлена. Сожалею, что не могу вам ответить на этот вопрос, а вот о картине кое-что расскажу. Вы согласны, молодой человек?

Володя кивнул и посмотрел на Исаака. Тот смутился.

— Ну и замечательно, — улынулась Елена Александровна. — Перед нами картина «Богатыри» русского художника Виктора Михайловича Васнецова. Художник работал над картиной около двадцати лет. Двадцать третьего апреля тысяча

восемьсот девяносто восьмого года она была закончена и вскоре куплена Павлом Михайловичем Третьяковым для своей галереи.

От «Богатырей», по совету Елены Александровны, экскурсия перешла к экспозициям картин Шишкина и остановилась у самой, пожалуй, известной школьникам и студентам, с тремя медведями у поваленной сосны.

— Картина «Утро в сосновом лесу» пользуется популярностью благодаря композиционному включению в пейзажное полотно элементов анималистической сюжетности, — сказала экскурсовод. — Работа детально передаёт состояние природы. Показан не глухой дремущий лес, а солнечный свет, пробивающийся сквозь колонны высоких деревьев. Резвящиеся медвежата чувствуют приближение утра. Предположительно, замысел картины был подсказан Ивану Ивановичу Шишкину художником Константином Савицким, который позже выступил в роли соавтора и изобразил, по эскизам Шишкина, фигуры медвежат. Эти медведи с некоторыми различиями в позах и количестве (сначала их было двое) фигурируют в подготовительных рисунках и эскизах. Медведи получились у Савицкого столь удачно, что он даже расписался на картине вместе с Шишкиным. Сам Савицкий сообщил родным: «Картина продана за четыре тысячи, и я участник в четвёртую долю». Но, приобретя эту картину, Павел Михайлович Третьяков снял подпись Савицкого, оставив авторство за Шишкиным. «Ведь в картине, — говорил Третьяков, — начиная от замысла и кончая исполнением, всё говорит о манере живописи, о творческом методе, свойственном именно Шишкину». Вот такая история этой картины.

— Интересно! — воскликнул Александр Сергеевич. — А некоторые из нас и не знали, что медведи нарисованы не Шишкиным.

— Большинство экскурсантов делает это открытие для себя у нас в музее, — сказала Елена Александровна.

Воспользовавшись наступившей после этого паузой, Володя, снова обратился к Елене Александровне:

— На обложке «Родной речи», по которой некоторые из нас учились читать, была другая картина Ивана Шишкина — «Рожь». Она лично на меня, первоклассника, производила тогда очень сильное впечатление. Мы её сможем увидеть?

— Да, конечно, мы можем пройти к этой картине. Она находится в нашей галерее! — пригласила Володю и всех остальных следовать за ней Елена Александровна.

У Володи перехватило дыхание, когда он увидел небольшую по сравнению с «Богатырями», но такую знакомую им с детства и запомнившуюся навсегда картину.

Вспомнилось, как однажды в конце августа они с матерью, возвращаясь с рынка, зашли по пути в книжный магазин и Володя, заметив на прилавке книжку с этой картинкой на обложке, вдруг замер, разглядывая её.

— Купите мальчику «Родную речь», — посоветовала продавщица, заметив любопытство маленького посетителя.

— Да ему ещё рано. Через год только в школу пойдёт, — отмахнулась было мать.

— Да ничего не рано! — ещё более подогревала интерес Володи продавщица. — Будет целый год листать, а если ещё к этой книжке и «Букварь» купите, глядишь, и читать научится ещё до школы. А в школу придёт уже грамотным и удивит учительницу.

— Нравится тебе эта книжка? — поддаваясь на уговоры продавщицы, спросила мать сына.

— Да... — робко ответил Володя и с мольбой глянул в глаза матери.

Этот взгляд и решил вопрос о покупке. Мать тогда купила сыну и «Родную речь», и «Букварь». Получив в руки желанную книжку с понравившейся картинкой, Володя прижал её к груди и так нёс до самого дома драгоценное для него приобретение.

Весь день Володя не выпускал из рук книжки. То и дело перелистывал, рассматривая картинки. Вечером мать, управившись с домашними делами, посадила на диван рядом с собой сестрёнку Аню, позвала Володю и, раскрыв книжку, показывая детям картинки, стала читать то, что там было написано. И нередко потом осенними вечерами и в выходные зимние дни мать читала им страницы то «Родной речи», то «Букваря», обращая внимание детей на рисунки и на то, какая буква стоит в верхнем левом или правом углу страницы. И Володя действительно вскоре стал запоминать название букв, как они произносятся и ближе к весне уже сам читал сестрёнке и про маму, и про маму, и стихотворения про Первое мая, Седьмое ноября и Новый год, поражая своими успехами отца и иногда заходившего в гости деда.

В школу он пришёл, не только умея читать, но и зная наизусть многие стихи, опубликованные на страницах «Родной речи». Едва учительница открывала какую-нибудь страницу учебника, как Володя тянул руку и рассказывал по памяти о том, что на этой странице под картинкой написано.

— «Рожь» — картина художника-передвижника Ивана Ивановича Шишкина, написанная им в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, — встав возле картины и подождав, пока экскурсанты выстроятся перед ней, начала рассказ экскурсовод. — Здесь изображено Лекаревское поле близ Елабуги, в Вятской губернии. Тему для этого произведения — как и для многих других своих картин — Шишкин нашёл на родине, во время

поездки в Елабугу в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году. Карандашный набросок, сделанный на Лекаревском поле художником, стал основой полотна. Его содержание и основная идея тоже раскрыты самим художником в краткой записи, сделанной на одном из эскизов: «Раздолье, простор, угодье. Рожь. Божья благодать. Русское богатство». Картина экспонировалась на шестой передвижной выставке, прошедшей в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году в помещении Общества поощрения художеств, в том же году она была приобретена у автора Павлом Михайловичем Третьяковым. Обратите внимание: на заднем плане картины — могучая сосна. Это дерево — символ всего творчества художника. Неизбычно влюблённый в русский лес, он выписывает её нежно и подробно — с её клонящимися от тяжести вниз ветвями, с её причудливо искривлённым стволом, придающим дереву дополнительное очарование, с её гордо вознесённой в самую высь верхушкой. Громады кучевых облаков тяжело нависают над рожью, они грозят близким ливнем — очистительным и благодатным. Тишина и безветрие, будто разлитые по пространству картины и почти физически ощущаемые, — тоже знак близкой грозы, необходимой земле для того, чтобы отдать возделывающему её человеку свои дары. Единственная деталь, навевающая неотчётливую тревогу, — погибшее дерево. Предположительно, засохшая сосна — эхо недавних переживаний автора, в одночасье потерявшего любимую жену, отца, двух малолетних сыновей. Просёлок, заросший травой и цветами, словно приглашает путника пройти по нему, манит счастливыми открытиями и обещает увести в светлую даль. Ласточки стремительно летают над самой землёй, и кажется, что их тени не поспевают за ними. «Рожь» — звучащая картина; её автор совершает настоящее чудо, заставляя зрителя слышать гудение шмелей в раскалённом воздухе и шелест ласточкиных крыльев. Алексей Николаевич Некрасов, чьё творчество было очень близко Шишкину, написал после своего возвращения из-за границы:

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

Володя был поражён сказанным экскурсоводом. Сколько раз смотрел на эту картину на различных репродукциях, но многого, о чём говорила сейчас Елена Александровна, он раньше не замечал на ней.

Да, он не впервые видел сосны, рожь, дорогу, ведущую вдаль и манящую. Ему хотелось пройтись по этой дороге дальше, к горизонту, за которым, он не сомневался, есть речка и мост в сказочный

город, такой как в кинофильме «Сказка о царе Салтане», где белочка грызёт золотые орешки, где путников встречают тридцать три богатыря и сама царевна Лебедь. Но парящих прямо у дороги ласточек он увидел впервые, после подсказки экскурсовода. Да и правда: вот они — одна, вторая... Не удосуживал он своим вниманием и засохшую сосну, и тёмные грозовые облака, которые, правда, не на всех репродукциях можно было разглядеть. А вот здесь, на оригинале, всё было вырисовано чётко и теперь, после слов Елены Александровны, обращало на себя его внимание.

Задумавшись, Володя не сразу заметил, как рядом появился Константин. Константин встал рядом с ним и пожал ему тихонько руку.

— Всё нормально, Володька, — прошептал он, фиксируя своё возвращение в строй экскурсантов кивком головы Александру Сергеевичу и Виктории Львовне, внимавшим, как и все присутствующие, словам экскурсовода.

II.

— Ну что, друзья мои, устали? — спросил Александр Сергеевич проводников-студентов, когда они вышли из музея, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Знаю, что устали. Столько впечатлений сразу, и это после того, как полдня вы работали в поезде. Некоторые из вас не спали ночь. Всё, едем к Ярославскому вокзалу. Там по своим вагонам — и ближе к ночи снова в путь!

После выступления Сергееча, наверное, не один Володя ощутил навалившуюся на плечи усталость. Восторг от столичных впечатлений ещё трепыхался в груди, но в ногах уже не было бодрости, и глаза закрывались сами собой.

— Укатали сивок горки! — пытался шутить Константин, выглядевший свежее остальных, но его, казалось, уже никто не слушал.

Экскурсанты медленно брели к станции метро, спустились по эскалатору, поехали в вагоне электрички, по команде вышли на какой-то станции, известной, наверное, только Сергеечу, Виктории и, возможно, Константину, прошли по переходу и зашли в другой вагон другой электрички.

На Ярославском вокзале Сергееч, оставив группу, зашёл к дежурному, и тот отправил с ними своего помощника на поиск иркутского состава, стоявшего до отправления на запасных путях.

Свой поезд они нашли, хотя и не сразу, поднялись сначала в штабной вагон, а потом, после короткой инструкции, разошлись по вагонам своим.

Володя с Исааком часа два протирали полки и окна, наводили порядок в проходах, проверили наличие воды в бачке. Едва они присели отдохнуть, как в купе проводников постучался Константин.

— Я вам тут немного жизнь хочу облегчить, — сказал он, присаживаясь рядом с друзьями. — Вот, — Константин выложил из сумки, что держал

в руках, на столик две небольших пачки. — Это импортный чай в пакетиках. Индийский, но расфасовка английская. Тут написано по-английски.

Константин раскрыл обе пачки и достал из одной белый прямоугольник, а из другой — прямоугольничек поменьше, с прикреплённой к нему ниткой и небольшой, как показалось Володе, этикеткой.

— Это два вида пакетированного чая. Один из них с ярлыком, второй без ярлыка. Разница, поверьте, для нас небольшая. Чай внутри пакетика. Пакетик опускаешь в стакан с кипятком, и чай принимает окраску заварки. Заваривается, корочка. Пакетик, один за ярлычок, второй — помещивая внутри стакана чайной ложечкой, держите в кипятке до обретения окраса, но не более одной минуты, а затем перекидываете в другой стакан. Минута делов, чай окрашивается, и пакетики плавно перекочёвывают в стакан третий. Третий, правда, уже не будет таким крепким, как первые два, но чай получается вполне сносный. Это для тех, кто не любит крепкого чая. Некоторые пробуют заваривать одним пакетом четыре стакана, но в четвёртом получается уже просто закрашенная водичка. От чая мало что остаётся. Я думаю, что вам вполне хватит пакета и на три стакана. Зато — благодать! Не надо с заваркой мучиться: насыпать, заваривать, настаивать, потом выбрасывать отработку.

— Здорово! — потёр ладони Исаак. — Это тебе друзья-москвичи подарили?

— Да, друзья, — кивнул Константин. — И ещё вот. Это вам.

Он достал из сумки две металлические баночки.

— Это импортное пиво. Немецкое. Видите, «Бавария» написано чёрными буквами на белом фоне. — А как его пьют? — спросил Володя.

— Вот тут, сверху, есть кольцо. Его открывают осторожно... — Константин потянул за кольцо. — Исаак, давай стакан. Можно пить и из банки, но, на мой взгляд, не очень удобно.

Константин налил в стакан, поставленный на стол Исааком, светлой пенной жидкости.

— Пробуйте. В банке триста тридцать граммов.

Володя глянул на Исаака. Тот взял в руки принесённый им же стакан и попробовал содержимое его на вкус.

— Точно пиво! Вкусное!

— Пей всё, я Володьке налью в другой стакан и сам с вами выпью, а вам ещё баночку пожертвую. Мне к поезду должны подвезти две новых упаковки.

Володя поставил на стол ещё два стакана, и Константин разлил остатки пива из банки.

— Ну как тебе? — спросил Константин, когда Володя сделал несколько глотков.

— Какой-то необычный вкус.

— Это пастеризованное пиво. Храниться долго может в баночках, даже без холодильника.

Мне должны ещё два сорта подвезти. Угощу в дороге. По пути, может, продам кому-нибудь из любителей пива баночку-другую, но не меньше чем за червонец.

Константин снова запустил руку в сумку и достал три гаванские сигары.

— Закуривай, ребята!

Исаак потёр руки и взялся за сигару.

— А ты? — спросил Константин Володю. — «Лишаешь себя удовольствия», — как говорил Леонид Куравлёв в фильме «Афоня».

— Ну и я попробую, после пивка-то, — согласился Володя и, уже как опытный курильщик, потянул лицо с сигарой к зажигалке Константина.

— А к тебе у меня дело есть, — сказал Константин Володе, когда они открыли окно вагона. — Я хочу предложить упаковочку твоему доценту. Ну, про которого ты говорил, из иняза, что джинсовые костюмы оптом взял через эту красавицу, что Витьке нашему понравилась.

— Сергею Иннокентьевичу, что ли? — догадался Володя, выпуская дым сигары.

— Ну да. Сведёшь меня по приезде? У тебя же контактный телефон его есть?

— Контактного телефона нет. Встретиться можно у «Баньки». С семнадцати часов там часто бывает Толик, помощник Иннокентьевича. Через него можно организовать встречу.

— Ну хорошо. Сходим по приезде?

— Давай.

Вечером, когда состав вытянули к перрону Ярославского вокзала и к поезду стали подходить первые пассажиры, Володя, стоя у своего вагона, увидел, как двое парней передали Константину большую сумку, тот принял её, пожал парням руки и, заходя в вагон, помахал им на прощание.

12.

«Путь домой всегда вдвое короче», — вспомнилось Володе изречение кого-то из мудрых людей, когда они ехали обратно.

Незаметно за работой полетели часы и дни. Станции, полустанки, выходы на перроны, общение с пассажирами — всё промелькнуло, словно в одну минуту. Почти четверо суток пути сжались в одно целое — работу. Несколько раз и Володя, и Исаак подавали пассажирам чай, настоянный на пакетиках Константина, и ни одного раза он не вызвал подозрений. Некоторые даже хвалили проводников за хорошую заварку. Пару раз они с Исааком находили время и, открыв окно в купе проводников, выкуривали одну на двоих сигару, что приносил им Константин.

Как-то быстро поезд миновал запомнившиеся Володе по пути в столицу уральские города, осталась позади Тюмень, а там уже застучал состав колёсами по стыкам мостов через сибирские реки Иртыш, Обь, Енисей.

Промелькнула за окном станция Бирюсинка, где снова несколько девочек махали проходящему мимо поезду. Замерло сердце Володи, когда он заметил на откосе фигуру обходчика, стоявшего чуть ли не по стойке «смирно», в оранжевом жилете, с флажком, вглядывающегося в окна мчащегося поезда. Володя интуитивно махнул бывшему соседу, но обходчик, видимо, снова не успел заметить его.

В Тайшетграде Володя, выйдя перрон, в течение двух-трёх минут, что стоял поезд, пытался отыскать знакомых и, не найдя таковых, не расстроился, успокаивая себя тем, что через пару дней он снова будет здесь.

И вот, наконец, Иркутск. Знакомый вокзал, прощание с пассажирами и окончание первого путешествия в Москву.

Ура! Теперь впереди у него пять дней отдыха.

13.

Володя рассчитывал побыть в Тайшетграде до вечера шестнадцатого июля и вернуться в Иркутск за день до новой поездки. Однако на собрании вернувшуюся из Москвы бригаду проводников начальник пассажирского вагонного депо, поздравив с первой удачной поездкой и поблагодарив за работу, попросил прийти в депо за два дня до новой поездки.

— Я понимаю, что вам ехать восемнадцатого июля, но прошу быть всех в депо шестнадцатого. В этот день будем выдавать аванс. Кто не получит, уедет в Ленинград без денег, — сказал начальник депо и попросил Тёзку Пушкина и Викторину-Победительницу проконтролировать получение аванса студентами.

И студентам-проводникам, так соскучившимся по дому, пришлось сократить пребывание на родине. А если учесть, что Володя обещал сопроводить Константина к «Баньке» и свести его с Толиком, то из поездки домой выпадал ещё один день. Чтобы не рисковать, Володя купил билет до Тайшетграда на вечер одиннадцатого июля.

Он купил билет и вместе с Константином после собрания поехал к «Баньке». К кафе они добрались, когда на часах Константин было семнадцать десять.

— Нормально, — сказал Володя. — Я думаю, что если Толик сегодня решил быть здесь, то он в течение двух часов непременно появится. Сидим до семи.

— Ну, хорошо, — согласился Константин. — А что вы тут с Витяней в прошлый раз ели-пили?

— Пили кофе по-венски, закусывая мороженым с джемом.

— С джемом? — переспросил Константин, оглядывая зал.

— Да, с джемом... Земляничным, — подтвердил Володя.

— Мороженое с джемом по-итальянски — джелато, замороженный десерт, — хлопнув в ладоши и усаживаясь за свободный столик, сказал Константин. — Считается, что его придумал флорентийский архитектор Бернардо Буонталенти в шестнадцатом веке. Специально для королевы Екатерины Медичи он сконструировал мороженицу — кадочку со льдом и солью, в которую ставили медный котелок со смешанными ингредиентами — молоком, сливками, фруктами и ягодами.

— Интересно, — в очередной раз поражённый осведомлённостью друга, кивнул Володя, усаживаясь напротив. — Закажем и мы джелато?

— Давай! — подмигнул Константин и, повернувшись к подошедшей к ним девушке-официантке, улыбаясь, спросил: — Земляничное джелато у вас сегодня в наличии?

— Джелато — это не у нас. У нас мороженое и кофе, — спокойно, но быстро ответила девушка, глядя на Константина. — Кофе заказывать будете?

— Два кофе по-венски и две порции мороженого с земляничным джемом! — быстро сказал Володя. — С земляничным сейчас нет. Есть с черничным, — повернулась к нему официантка.

— Давайте с черничным, — поклонился ей Константин, снова переключая внимание девушки на себя. — Две порции мороженого и две чашечки кофе.

— Кофе придётся подождать минут пятнадцать-двадцать. А мороженое могу принести сейчас, — сказала официантка.

— Принесите уже всё сразу. Мы подождём, — ещё раз склонив голову в поклоне, сказал Константин.

Они пили кофе, ели мороженое, вели беседу о предстоящей поездке в Ленинград. Прошло более часа, а Толика не было. За соседними столиками и у барной стойки то и дело происходили встречи, бурные и тихие. Люди пожимали друг другу руки, садились пить кофе, переговаривались и выходили.

— Пойдём прогуляемся возле кафешки, подышим свежим воздухом, — предложил Константин. — Толик этот мимо входа не пройдёт. Если придёт, конечно. До семи немного осталось.

— Пойдём, — согласился Володя, предвидя, что придётся им с Константином завтра снова пить кофе в «Баньке».

— А давай у бармена поинтересуемся. Может, он этого Толика знает? Скажет, может, что о нём?

— Это какой Толик? Длинноволосый? — спросил их бармен. — Лет двадцать пять на вид?

— Да! — кивнул обрадованно Володя. — Он то в рубашке в клеточку ходит, то в джинсовом костюме.

— Я вчера работал — его не было, и сегодня не видел.

Из двери за барной стойкой, видимо, услышав разговор, вышел мужчина лет сорока.

— А вам зачем Толик нужен? — спросил он, разглядывая друзей. — Вы с ним договаривались о встрече?

— Не договаривались, но он мне говорил, что если будет нужен, то его можно встретить здесь, — сказал Володя.

— А ты кто? — спросил мужчина, облокотившись на стойку.

— В каком смысле — кто? — не понял Володя.

— А в том смысле, что я сегодня, может, и увижу Толяна. От кого мне ему привет передать?

— От Владимира... Студента... Студента университета...

— Так и сказать: привет тебе передаёт студент университета Владимир? Так? — мужчина с ухмылкой смотрел на Володю.

— Можете сказать: князь Владимир привет передаёт. Встретиться хочет! — почувствовав уверенность, сказал Володя.

— Добро. Если князь увидеться желает, то передам непременно, — кивнул, продолжая улыбаться, мужчина. — Если увижу, конечно...

— Передайте уж, не забудьте, — вступил в разговор Константин. — А мы завтра снова кофе пить к вам придём. Спасибо. Вкусный кофе!

— Всегда рады хорошим клиентам! — сказал им на прощание мужчина.

— Ну, братан, ты и даёшь! — обняв за плечи друга, засмеялся Константин, когда они вышли из «Баньки». — Я и не знал, что ты в блатном мире уже кличкой обзавёлся! И какой! Князь Владимир! Это высший пилотаж прямо!

— Да меня так Сергей Иннокентьевич при знакомстве назвал, а Инесса потом подхватила, — засмутился, отстраняясь от объятий товарища, Володя.

— Ладно, не скромничай! Ты дело в тот раз провёл просто профессионально! И связи завёл хорошие. Чувствую, тут новые входы-выходы появиться могут, — потёр руки Константин. — А знаешь что? Поехали ко мне в Ангарск! Познакомлю тебя с родичами. Посидим, отметим наш приезд, а завтра вернёмся. Всё равно сутки почти до твоего поезда.

— Да неудобно как-то... — замялся было Володя.

— Всё удобно! — заверил его Константин. — Мои родители — люди с пониманием. Мои друзья для них что дети родные. Сам увидишь.

14.

На вокзале Константин отправил Володю к пригородным кассам за билетами на электричку, а сам пошёл к камерам хранения.

— Я всё, что со столицы привёз, в автоматические камеры хранения сложил, — пояснил он другу. — Кое-что возьму с собой в Ангарск, а остальное оставлю, чтобы туда-сюда не возить.

Пробираясь к пригородным кассам, Володя увидел возле табло с расписанием поездов двух

молодых людей, в которых узнал Зотченко и Травкина.

Сергей Зотченко был в форме сержанта милиции, а Толик Травкин — в куртке-энцефалитке под цвет солдатской гимнастёрки. На правом плече у него висел небольшой рюкзачок.

Армейские товарищи стояли под табло и оживлённо разговаривали, не обратив внимания на подошедшего к ним человека.

Володя, приблизившись к Толику, обнял его за плечо и, улыбаясь, спросил:

— Что у вас, ребята, в рюкзаке?

Ребята повернулись, и первым узнал его Зотченко.

— Оп-па! — воскликнул сержант милиции, заключив Володю, а заодно и Травкина, в свои объятия. — Сапунов! Сколько зим! Мне Дамир говорил, что видел тебя здесь, в Иркутске.

— Он и мне про вас говорил, — сказал Володя, прижимая к себе сослуживцев. — Знаю, что Толик на охотоведа учится, а ты, Серый, правопорядок поддерживаешь! А что вы тут, на вокзале, делаете?

— Я Толику хотел помочь в Улан-Удэ уехать. Билет достать. Но на сегодня их нет, и даже милиция не в силах помочь, — пояснил Зотченко. — Взяли на завтра только. Вот зову Толяна к себе в гости, а он упирается. А ты как тут? Домой, в Тайшетград свой, собрался?

— Да, собрался, но тоже только на завтра билет взял. А сейчас хочу в Ангарск поехать. Приятель зовёт. Да вон и он с сумками идёт.

Володя помахал зашедшему в здание вокзала Константину.

— Познакомьтесь: это мои армейские товарищи Сергей и Анатолий, а это мой друг и сокурсник Константин. Мы с ним в универе на историков учимся.

— Да ты же вроде, Володька, режиссёром быть собирался! — несколько удивился Травкин. — У тебя и способности к этому проявлялись...

— Ну, вот так, Толян, получилось... — как бы оправдываясь, сказал смущённо Володя. — Хотел одно время быть режиссёром, но выбрал всё-таки историю. Мы с Костей археологами будем. Правда, Константин?

Константин, быстро разобравшись, в чём дело, на волне всеобщего ликования предложил друзьям Володи поменять планы и поехать всем в Ангарск.

— Да мне же завтра на поезд утром! — попытался было отказаться Толик.

— Мы тебя там, в Ангарске, на твой поезд посадим! — уверенно сказал Константин. — Билет есть, переживать не стоит! Сейчас все ко мне! Мы с Володькой только из столицы вернулись, у нас гостинцы для всех есть. Поехали!

Зотченко был за поездку. Он зашёл в дежурную часть милиции и позвонил домой, предупредив родителей, что уезжает на один день.

— Как твои там? Живы-здоровы? — спросил его Володя, когда они, купив билеты, вышли на перрон.

— Да, живы-здоровы. Все вместе живём пока: мать, отец, я, сестра Тоня. Как и раньше. Сестра сейчас в инязе учится, немецкий язык изучает. Переводчицей, наверное, будет.

В электричке Зотченко рассказал, что собирался поступать в школу милиции.

— Сначала хотел в Хабаровскую, в среднюю, но её с этого года сделали высшей. Что-то на четыре года уезжать из Иркутска, оставлять работу не хочется. Я решил остаться работать в милиции и поступить в этом году заочно на юридический. К вам в университет, между прочим!

— Следователем будешь? — спросил его Константин.

— Может, потом и следователем, но сейчас мне больше оперативная работа нравится, — ответил Сергей. — Пока буду стремиться в инспекторы уголовного розыска.

Толик Травкин рассказал, что собирается на каникулах месяц-полтора поработать в заповеднике на берегу Байкала.

— А я у Мазура в гостях был прошлым летом, — сказал он. — Лёня учится сейчас в Волгограде, в политехническом. Были мы с ним и в Элисте, и в Астрахань за рыбой ездили, и на Волгоград посмотреть.

— Ну, здорово! Рад за тебя, что решил на дальнюю поездку, и за Лёньку Мазура. Наверняка не оставил своей мечты — стать министром сельского строительства своей республики! — одобрил Володя.

— А как там Матзагир Юрания поживает? — спросил Травкин. — В торговый флот служить пошёл?

— Служит на Тихом океане второй год уже. Обещал в отпуск приехать. Надеюсь, дня через два-три увижу его. Передам привет от вас с Серёгой.

— Скажи ему: пусть время выберет, в Иркутск нагрянет. Не в этом году, так в следующем. Встретимся, посидим в кафе или ресторане, — сказал Толик мечтательно. — Хотелось бы увидеться.

— В железнодорожный ресторан пойдём! — засмеялся Зотченко.

— Лучше в «Ангару»! — подмигнул Володя и посмотрел на Константина.

— Конечно, в «Ангару»! — кивнул тот.

— И туда успеем, и туда! Ещё и на Байкал все съездим! — ставя точку в разговоре, заключил Зотченко.

Родители Константина Юрий Яковлевич и Полина Егоровна действительно оказались людьми простыми в общении. Глядя на них, даже не верилось, что отец Кости — главный инженер большого завода, а мать — заместитель председателя горисполкома. Едва познакомившись, Полина Егоровна, статная красивая шатенка, сразу пригласила всех

в гостиную. Кудрявые волосы её спадали на зелёный атласный халат, а движения были неторопливы и, как подумал Володя, взвешенны.

— Костя, а что ты не предупредил, что приедешь с гостями? — спросила она сына. — Я ничего не готовила. Придётся угощать твоих друзей тем, что есть в холодильнике. Сейчас самовар поставлю.

— Не суетись, мам! — сказал Константин, обняв и поцеловав мать. — Мы сейчас к нам на дачу поедем всей компанией. Там и поужинаем, и в бане попаримся, и переночуем. Пап, ты мне ключи дашь от машины?

— Да ты что? Только приехал — и сразу уезжаешь? — удивилась Полина Егоровна.

— Уезжаю, но не дальше дачи.

— Ну хоть чаю-то попейте с дороги!

— Некогда, мама. Только стоит присесть нам, налить чаю — и затянется процедура. Нет, поедем. Там и чай попьём, и шашлыки сделаем. А пока пойдём, зайдём с тобой в спальню, я тебе подарок вручу. Гостинец из столицы.

— Ну конечно, возьми ключи и езжай. Раз решил так. Поговорим завтра или в выходные дни, — разрешил Константину отец.

Отец был, под стать матери, одет по-домашнему: в синюю рубашку и спортивные брюки. Небольшой оттенок седины на чёрных густых волосах придавал хозяину квартиры солидности. Когда Юрий Яковлевич, улыбаясь, пожимал друзьям поочередно руки, Володя подумал, что отец Кости располагает к себе доверием.

Пока друзья сидели на диване в зале и разглядывали интерьер: ореховая стенка с хрустальной посудой и гжелью, большой цветной телевизор, книжная полка с синими, зелёными и белыми переплётными книгами, — из спальни вышли Полина Егоровна и Константин. На плечах Полины Егоровны был большой красный платок с крупными белыми и золотистыми цветами.

— Ну как, Юра, тебе подарок сына? — спросила сияющая Полина Егоровна, демонстрируя обнову мужу и гостям.

— Ну-у-у! Слов нет! — воскликнул Юрий Яковлевич. — В платке ты ещё красивее! Пойдёшь в нём на заседание горсовета — все дара речи там лишатся, а вопросы нерешёнными так и останутся!

— Спасибо, сынок! Порадовал! — поцеловала мать Константина в щёку. — А может, всё-таки чаю попьёте хоть?

— Да нет, поедем, — решительно сказал Константин. — А тебе, батя, я потом подарок покажу. А пока можешь из сумки пива взять баночного.

— Хорошо, сынок, спасибо. Бери ключи, и езжайте, раз так. Дрова там есть на баню, и веники я заготовил. Воды полные вёдра и бак, а если кончится, на речку сходите, принесёте, — напутствовал Константин отца. — Да, мясо не покупайте на шашлыки. В погребе, в ведре, есть готовое уже

нарезанное и замаринованное. Берите и делайте шашлыки, я потом ещё привезу туда.

— А где у тебя дача? — спросил Константина Зотченко, забывшись рядом с ним в «Волгу».

— Недалеко здесь, на речке Китой. Там огородик, тепличка, яблонька, адаптированная к сибирской природе. Да сами всё увидите.

15.

Это лето 1980-го, олимпийского, високосного года Володя вспоминал и вспоминал потом. Оно было, пожалуй, самым долгим, насыщенным и познавательным в его студенческой жизни. В этот год он впервые побывал в Москве и в Ленинграде, был на Байкале, встретился и познакомился со многими людьми.

И та встреча с Зотченко и Травкиным на вокзале, а потом поездка в Ангарск и на дачу Константина — словно продолжение поездки на Байкал. Они топили баню, носили воду с Китоя и купались в реке. Жарили шашлыки. Константин ради такого случая достал всем по баночке импортного пива и запустил гаванскую сигару по кругу.

— Да чтоб я так всегда жил! — воскликнул счастливый Зотченко.

Он сидел на крыльце дома в кресле-качалке, втягивал в себя дым сигары, задерживал дыхание и медленно выпускал. Потом откусывал мясо и, прожёвывая, запивал пивом из баночки.

— Костя, скажи, где такое пиво достать можно? У меня в сентябре день рождения, вот бы удивить своих милиционеров — выставить им по баночке.

— Это, друг, поступление из капстран и дружественной нам Чехословакии на Олимпийские игры в Москву, — объяснял ему, а заодно всем, Константин, — завезли на Олимпиаду. Будут продавать в некоторых кафе Москвы, а может, и в магазинах во время Олимпиады.

— А я, друзья, открываю вам тайну: еду на Олимпиаду, в Москву! Со всей области достойных сотрудников МВД собирают и отправляют туда, — сказал вдруг Зотченко. — И я попал в число счастливчиков! Во вторник улетаем спецрейсом. Правда, там, как я полагаю, посмотреть ничего не удастся. Будем порядок в столице поддерживать...

— Ну, повезло тебе, братишка! — хлопнул его по плечу Константин. — Вот там и купишь себе пиво в баночках.

— Попробую, но если не достану, к тебе обращусь, ты не против?

— Я не против, но получится ли мне ещё достать, не ручаюсь. Мы восемнадцатого едем в Ленинград, а в Москве снова будем одиннадцатого августа, когда Олимпийские игры уже закончатся и пиво всё баночное распродадут и выпьют.

Володя видел, что Константин осторожничает с Зотченко, зная, что тот работает в милиции.

Впрочем, Константин не шибко-то раскрывал свои планы и перед ним, Исааком и Витей-Перцем.

«Наверное, правильно делает, что осторожничает...» — подумал он.

Воспоминания о вечере десятого июля 1980 года много раз потом грели душу Володи. Анализируя свою дальнейшую жизнь, он ставил черту после этого вечера. После него жизнь пошла по-другому. По-другому — не в том смысле, что судьба Володи резко поменялась. Другой день, одиннадцатое июля, был логичным продолжением вчерашнего, но время как-то пошло быстрее, стремительнее стали, как показалось Володе, происходить события, и память уже не так цеплялась за них и не хранила тщательно, как прежде, отдельные эпизоды и даже дни.

На другой день они посадили на поезд Травкина. Зотченко, используя служебное удостоверение и милицейскую форму, поехал до Иркутска вместе с Толиком. Константин с Володей, проводив друзей, вернулся на дачу, навели там порядок. После обеда и они поехали в Иркутск на электричке. В общежитии Исаака и Виктора они не застали. Друзья ещё вчера разъехались по домам. Володя собрал сумку, рассчитывая от «Баньки» отправиться на вокзал.

На этот раз в «Баньке» кофе пить им не пришлось. Володя сразу увидел Толика. Он узнал его, несмотря на то что на нём в этот раз были тёмные очки и новая цветная рубашка.

— Дело есть? — сразу спросил Толик, поздравившись, когда Володя подсел к нему за столик.

— Да, есть, но не у меня. У моего приятеля, — кивнул Володя в сторону барной стойки, где стоял Константин. — Я вас сейчас познакомлю и уйду, а Костя тебе всё объяснит.

— Ну ладно, поговорю с другом твоим, — согласился Толик. — Только с ходу я ничего пообещать ему не смогу. Иннокентьич сейчас в отъезде. Приедет после десятого августа. Тогда и решать будем, если есть что решать.

— Хорошо, но это ты объясни ему, — сказал Володя, подзывая Константина.

Поездку в родной город, а потом в Шиткино он помнил отрывками. Помнил, как радовались подаркам мать и сестра, расспрашивая его о Москве, как он отвечал на их вопросы, радуясь вместе с ними. Как потом ехал долго на автобусе, с остановками в попутных деревнях, в Шиткино. Как не сразу нашёл дом Юрки Матзагира, а отыскав знакомую калитку, застал только мать друга. Она сказала, что Юрка приедет в конце июля и что отпуск ему задержали.

— Зато весь август отдыхать от своего плавания по морям будет! — сказала она.

Володя оставил для неё и для друга небольшие подарки из Москвы: коробку конфет и значок с олимпийской символикой.

— Вы передайте ему, что с двенадцатого по восемнадцатое августа я, наверное, снова буду в Тайшетграде. Если у него будет время, то пусть поедет. Он знает, где я живу, — попросил Володя мать Юрки.

— А Катя наша тоже сейчас в Иркутске, — как бы между прочим сообщила Юркина мать, прощаясь с ним, — работает в Сбербанке и учится заочно в кредитно-финансовом техникуме.

Два следующих дня Володя провёл в прогулках по городу: обходил новые и старые улицы, сходил в кино в кинотеатр «Победа». Возле дома, где он жил раньше, по улице Северо-Вокзальной, встретился с бывшим соседом — обходчиком железнодорожных путей. Сколько помнил себя Володя, этот ещё крепкий на вид человек всё время работал обходчиком: каждое утро в любую погоду он отправлялся в путь и возвращался ближе к вечеру.

— А я вас видел из вагона поезда, когда ехал в Москву, и даже помахал вам, — сообщил ему Володя. — Мы ещё за лето три раза проедем мимо вас туда и три раза обратно на иркутском поезде.

— Ну, буду знать, — сказал на это обходчик. — Теперь все поезда из Иркутска буду провожать с особым чувством. Даже если не увижу тебя, знай, что поезд поприветствовал. А утром, перед обходом, я могу подойти к вашему поезду на перроне. Расписание-то знаю. Да и на обратном пути тоже. Всегда приятно знакомого увидеть.

Около часу, наверное, просидели они с обходчиком во дворе дома, где прошли детские годы Володи. Вспомнили и отца, и деда с бабушкой.

— Какой активный твой дед был. Много чего придумывал. Везде успевал, и казалось, что чего ему не будет, а вот смерть сына его подкосила, да и бабушку твою тоже... — говорил с грустью в голосе обходчик.

Разговор с обходчиком растеребил душу Володи, и он в тот же день сходил на городское кладбище, посетил могилы отца, деда и бабушки и, пройдя на другой конец погоста, возле самой железной дороги хотя и не с первого раза, но нашёл могилку и дяди Игоря, не прожившего и сорока лет.

16.

«А кладбище, где лежит почти вся отцова родня, тут недалеко... — подумалось Евгению. — Сейчас заберусь на путь, а поезд вынырнет и переедет... И зарюют меня в безымянной яме, как неопознанного гражданина... Если что-то от меня там останется... И никто не узнает, где могилка моя! Но зато в одном месте с родными, на этом же кладбище, буду покоиться. Это утешает... И рядом родной город... Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны...»

Он схватился за рельс уже двумя руками и попробовал подтянуться. Голова подалась вперёд.

«Надо перебраться на ту сторону, пока правда нет никаких поездов...»

17.

Впечатления от похода на кладбище, а затем воспоминания не давали покоя Володе несколько дней. Особенно удручало место захоронения дядки. Из-за высокой травы едва виден был покосившийся памятник с облупившейся краской. Фотографию размывло дождём.

Мать жаловалась, что у неё уже не хватает сил ухаживать за всеми могилами.

— У отца, у деда с бабушкой мы с Аней ещё управляемся. Иногда и дядя Витя на родительский день помогает, но всё равно до Игоря не всегда сил хватает дойти, — говорила она.

В предпоследний день пребывания в Тайшетграде Володя с матерью съездили в деревню, где её брат занимался огородничеством. Дядя Витя накопал им свежей скороспелой белой картошки, пока ещё не крупной, набил сумку редиской.

Мать с сестрой пошли провожать Володю на вокзал. Ожидая подхода поезда, он возле газетного киоска столкнулся с девушкой, спешившей к электричке. Молодая, симпатичная, длинноволосая, она лишь на несколько секунд приблизила своё лицо к его лицу, и Володя узнал...

Вернее, не узнал, а вспомнил, что видел эти глаза.

— Мы с вами знакомы? — успел спросить он.

— Может быть, — улыбнулась девушка и побежала дальше, на перрон.

Сомнений не было: эти глаза он видел здесь же, на вокзале, в день возвращения из армии, уже почти два года назад.

Это была она, та юная девчушка! Без сомнения, она! Он не мог обознаться! Он запомнил эти глаза и этот взгляд и был уверен, что таких глаз и такого взгляда больше не было ни у кого на планете. Это она! И она повзрослела и похорошела за эти два неполных года. Яркая синева в глазах немного загустела и сменилась на более осмысленную, но взгляд был тот же! И улыбка...

Но узнала ли его Синеглазка? Может, и не узнала, а просто улыбнулась, как улыбнулась бы любому другому парню, столкнувшемуся с ней случайно на вокзале.

Встреча с синеглазой девушкой навела его на философскую мысль о том, что он путешествует по белому свету один, без любви. В свои двадцать два он по-настоящему и не испытал непреодолимого и всё захватывающего чувства. Ему вспомнились Катя и почему-то Инесса.

«Как много девушек хороших... — пропел он про себя, и тут же поправил последнее слово: — Красивых...»

Не прошло и двух суток, как Володя снова стоял на перроне Тайшетградского вокзала, на этот раз

он был проводником пассажирского поезда, следующего из Иркутска в Ленинград. Как обещал, подошёл к поезду его бывший сосед, обходчик, и, пожимая руку Володе, говорил напутственные им с Исааком слова. Володя кивал, улыбался, думая о том, что нужно бы привезти обходчику какой-нибудь сувенир из Северной столицы, а сам с надеждой поглядывал по сторонам. Конечно же, он снова очень хотел увидеть синеглазую девушку, надеясь, что она, может, снова будет здесь ждать свою электричку. И, не увидев её, загрустил. Он уже верил в то, что встречи с ней — знак судьбы, а не случайность.

Когда проезжали мимо кладбища, он высматривал из окна могилу дяди Игоря, помня, что от её оградки была видна железная дорога, но так и не определил из нескольких похожих, которая из них дядькина.

Когда смотрел на мелькающее кладбище, подумал о вечном, о судьбе, о смысле жизни, о том, что родня его по отцовской линии почти вся теперь на этом кладбище: и дед, и бабушка, и дядька, и отец. Остался только дядя Женья — далёкий и почти ему не знакомый музыкант, разъезжающий по всему миру. Он и так редко бывал в родном городе, а когда умер Игорь, он продал родительский дом. Перед отъездом дядя Женья как бы невзначай сказал Володе, чтобы он приезжал к нему в гости в Москву, что живёт он в районе Лосиногостовского Острова, но подробного адреса не оставил.

— А зачем ему? — сказал на это брат матери дядя Витя. — Они когда в Москву жить попадают, то сразу все из себя чуть ли не коренных москвичей строят. За нас как на людей недалёких смотрят, с родными зняться не хотят. Провинция вы, мол. Быстро забывают, откуда сами родом и где их талант раскрылся. И этот дядька твой такой же...

Володя всё ещё стоял у окна, когда поезд ворвался на станцию Бирюсинка. Он и в этот раз увидел девчонок, машущих ему с платформы. То, что они машут ему, он не сомневался. Поезд промчался мимо, и Володя видел девчонок всего лишь несколько секунд, но успел помахать им в ответ и заметить, что одна из девчонок похожа на ту, синеглазую, что он видел два дня назад.

«А может, это она? Я же хотел её видеть, мои импульсы передались ей, и она пришла. Она же оба раза уезжала на электричке в западном направлении. Почему бы ей не жить в Бирюсинке?»

Вторую свою поездку проводником вагона пассажирского поезда он не запомнил так хорошо, как первую. За работой мелькали знакомые уже ему города и реки, но были новые: Вологда и Череповец, Шексна.

В Ленинграде им устроили небольшую пешеходную прогулку по городу. Они прошлись от Московского вокзала по Невскому проспекту. Были на Аничковом мосту со скульптурной группой

«Укрощение коня человеком», прошли мимо величественного Исаакиевского собора к берегу Невы, посетили на Петропавловскую крепость, вышли к Александринской колонне на Дворцовой площади и вернулись назад.

Более двадцати человек во главе с Викторией Победительницей и Тёзкой Пушкина шли, на этот раз не задавая лишних вопросов и молча слушая рассказ Виктории о скульпторах, создающих шедевры архитектуры города на Неве. Почти все студенты-проводники выглядели уставшими и уже не стремились оживлённо к покупке сувениров. Хотя сувениры и приобретали. Константин снова отпросился у Сергеича на два часа у Исаакиевского собора, успев, впрочем, подмигнуть друзьям и сказать Исааку, что собор-то назван в его честь.

Удивило Володю в Ленинграде то, что перрон, куда прибывал их поезд, был под крышей. Началось, что поезд заходил прямо в здание вокзала.

Во время посадки пассажиров на обратный рейс Володя снова заметил, как к Константину подошли двое и передали ему несколько больших кожаных сумок.

— Да это кой-какой товар из Финляндии, — сказал друзьям Костя, на этот раз не хвастаясь и не распространяясь, что было в сумках.

По возвращении из Ленинграда студентов домой не отпустили, заставили поработать три дня в пассажирском депо на уборке территории и ещё два дня посещать теоретические занятия в группе с новым набором проводников.

Вторая поездка в Москву тоже проходила уже буднично. Они снова ехали по знакомому маршруту, и в Тайшетграде к Володе снова подошёл обходчик. Володя, пожимая ему руку, подарил бывшему соседу подстаканник с изображением крейсера «Аврора». Старик растрогался едва ли не до слёз и, горячо обнимая Володю, сказал, что если Володе что-то нужно передать матери, он может рассчитывать на него. Он обязательно найдёт её и передаст. Володя поблагодарил его в свою очередь и сказал, что пока не нужно, что он сам приедет на пару дней в конце августа.

В Москве на этот раз Сергеич с Викторией разрешили выйти в город не всем. Нужно было кому-то остаться и готовить вагоны в обратный рейс. Володя с Константином решили остаться, отпустив Исаака и Витю-Перца на вДНХ.

Эта поездка запомнилась ещё и тем, что в вагон к Константину и Виктору села Инесса. Она возвращалась домой из Москвы. Инесса рассказывала им про Олимпийские игры, про то, где и на каких соревнованиях ей и Сергею Иннокентьевичу, задержавшемуся в столице, удалось побывать. Она и сообщила друзьям, что двадцать пятого июля умер актёр Владимир Высоцкий.

— Мы пробовали пробиться к его дому двадцать восьмого июля, в день похорон, но там

было столько народу и милиции... — рассказывала Инесса. — Так что смотрели издалека. Его похоронили на Ваганьковском кладбище.

Известие о смерти знаменитого тёзки Володя принял тяжело. Ему сразу же вспомнился фильм «Служили два товарища», в котором он впервые увидел и запомнил Высоцкого, потому что лицом он напомнил ему его одноклассника Сашку Чугунова. Вспомнился и фильм «Хозяин тайги», и, конечно же, недавно вышедший — «Место встречи изменить нельзя». Песня про друга, не вернувшегося из боя, весь вечер звучала в его ушах.

Две ночи, когда Володя дежурил, к нему приходил Константин, то ли шутя, то ли всерьёз сетуя, что у Вити-Перца любовь с Инессой и они вдвоём дежурят ночами, а он не может на почве этого спать ни днём, ни ночью.

Володя и сам видел, что Витя ни на шаг не отходит от ставшей ещё прекраснее Инессы. Они вместе встречали и провожали пассажиров, ходили обедать в вагон-ресторан.

В Иркутске Константину снова пришлось вырывать приятеля и одному сдавать вагон другой смене. Витяня с перрона поехал провожать Инессу.

В последнюю поездку и Володя с Константином побывали на вднх, сфотографировались у скульптуры рабочего и колхозницы.

Двадцать восьмого августа Володя приехал в Тайшетград с новыми подарками. У матери был день рождения, и этот день он провёл дома. А на следующий день к нему заявился Юрка Матзагир, собирающийся по пути во Владивосток захватить в Иркутск. С ним они и поехали до Иркутска, и там, наконец, осуществилась мечта Зотченко: всем вместе сходить в ресторан.

Тридцатого августа, в субботу, они встретились у ресторана «Ангара»: Володя, Константин, Витя-Перец, Исаак, Матзагир, Дамир, Зотченко, Толик Травкин.

Никогда больше они не собирались в таком составе, и этот день и этот вечер тоже стали одними из самых памятных для Володи.

18.

От воспоминания перехватило дыхание.

«Зот тогда рассказывал, как он был на Олимпиаде, стоял в оцеплении и всё-таки достал баночного пива. Травкин говорил о своих охотоведческих делах, а Дамир предлагал завтра поехать всем в Листвянку...»

Евгений почувствовал, как по щеке катится слеза.

В Листвянку они не поехали. На другой день у каждого нашлись свои дела. Но зато как хорошо было им тогда, в субботу, тридцатого августа 1980 года. Они пили коньяк, закусывали сагудаем и котлетами по-киевски, танцевали, приглашая девушек, сидевших группой через два стола

от них, — то ли студенток, то ли туристок, приехавших на Байкал. Витя-Перец то и дело оглядывался. Он ждал Инессу. Но она тогда не пришла...

«Надо перебираться на ту сторону», — решил он и сделал попытку подтянуть к рельсу грудь...

Люба-Любава

Грустить и радоваться

Каждый человек рано или поздно выдумывает для себя историю, которую считает своей жизнью.

Макс Фриш, швейцарский писатель XX века

I.

Люба не успела дойти до конца перрона, а на встречном пути оказался новый поезд. Она остановилась, глядя на проходящие вагоны. Нина Васильева встречала состав со свёрнутым жёлтым флажком. Она держала его над головой на вытянутой руке, и Любе показалось, что дежурная по станции немного раскачивает флажком в такт стучащим колёсам.

Поезд Тында — Москва торопился, словно пытался догнать проследовавший через Бирюсинку полчас назад пассажирский из Владивостока.

Тында...

Именно туда, в Тынду — столицу Байкало-Амурской магистрали, и уехал Генка Васильев, брат Нины. На БАМ, в район Тынды, он попал сразу по призыву в армию. Железнодорожные войска строили восточный участок магистрали, и Генка оказался в гуще исторических событий. Он присылал и Любе и домой фотографии солдат-железнодорожников. Несколько таких фотографий, где Генка с друзьями в тайге прокладывает рельсы, вывешивали на стендах начальной школы станции Бирюсинка и средней школы Городка на Бирюсе.

Генка... Генка...

Если бы не он, то, может быть, и судьба Любы сложилась бы по-другому.

«Может, по-другому, а может, и нет...»

Она хотела поступать в медицинское училище после восьми классов, но Генка, собиравшийся было ехать в Красноярск, в речное училище, вдруг передумал и стал убеждать Любу не торопиться с решением, а вместе пойти в девятый класс.

— В училище твоё, как и моё, можно же и после десяти классов поступить, — говорил он ей. — После восьми ты только на медсестру выучишься, а после десяти — на фельдшера.

Люба так и не узнала, разговаривал ли тогда Генка с её мамой, но Катерина Петровна, ранее разделявшая планы Любы, вдруг заговорила так же, как и он, предлагая пойти дочери в девятый класс, а поступать в училище после окончания школы.

Ещё больше Люба удивилась, когда ей о том же сказала при встрече её первая учительница Наталья Степановна:

— Не торопись, Любавушка, с решением, иди в девятый класс. За два года станешь ещё взрослее, может, какое-то другое призвание в себе откроешь.

О том, что за два года может многое произойти, постоянно говорил ей и Генка.

Конечно же, особое внимание к ней Генки Васильева было замечено и в школе, и в посёлке. Они вместе готовились к школьным экзаменам, и когда экзамены сдали, Генка устроился работать на лето в сплавконтору. Сплавливать лес по Бирюсе ему по возрасту не доверили, но работу на берегу, как и нескольким другим бывшим восьмиклассникам, нашли. А Люба в июле и августе ходила с однокурсницами в лесничество — ухаживала за молодыми кедрами, делала прополку, поливку, взрыхляла почву.

«Наверное, Генка всё-таки из-за меня не поехал в речное», — думала Люба, не зная, правильно ли она сделала, что не стала поступать после восьми классов. А ей так хотелось, так не терпелось надеть на себя белый медицинский халат.

За два лета и два учебных года их отношения с Генкой не изменились. Они часто вместе торопились по утрам на электричку, ехали в школу и вместе возвращались. Бывало, вместе делали домашнее задание и ездили по выходным в Тайшетград — в кино или на шахматные соревнования.

Катерина Петровна и родители Генки смотрели на их отношения спокойно.

«Дружба — это не любовь, а дальше — время рассудит. Генке нужно отслужить в армии, получить профессию, Любе — проступить и закончить училище. Поживём — увидим...» — примерно так считали взрослые.

Отец Генки — крановщик, складировал в штабеля лес на верхнем складе и отгружал его в вагоны. В сплавконторе работала и его мать — вела учёт поступившего и отгруженного леса.

Летом на Бирюсу из Красноярска приходил небольшой катер. Он растаскивал заторы на реке, доставлял сплавщиков на дальние участки, выполнял, как говорили в посёлке, хозяйственные работы. Увидев на берегу катер, Генка, если была возможность, торопился подойти поближе и, проявляя интерес к технике, вызывался помочь капитану или его помощнику-мотористу. И никто в Бирюсинке не удивился тому, что в лето 1980 года, когда Генка перешёл в десятый класс, его взяли на катер матросом.

В то лето и Люба впервые надела белый халат. По правде говоря, белый халат она давно сшила сама и иногда примеряла его дома перед зеркалом, но летом 1980 года, когда она подменяла санитарку в фельдшерско-акушерском пункте, халат ей там выдали другой, и носила она его целых две недели, как говорила с улыбкой мама, «на законных основаниях», выполняя порученную работу.

2.

Да, Генка Васильев повлиял на то, что Люба пошла в медицинское училище на два года позже, и, наверное, на то, что, всё время находясь рядом с ней, не оставлял шансов другим парням. А в старших классах Люба чувствовала и даже видела, что были ребята, которым она нравилась. И в школе Городка на Бирюсе ей оказывали мимолётные знаки внимания, а уж на районных шахматных турнирах, когда она занимала призовые места, у неё появлялись явные поклонники. Правда, они, заметив рядом с ней Генку Васильева, лишь издали кивали и улыбались. Люба думала иногда, что если бы не Генка, то она могла бы познакомиться с кем-нибудь из них, увлечься им, может, даже полюбить, и тогда она бы не была такой одинокой, как сейчас...

3.

С Генкой они даже и не поцеловались как следует...

А Люба и не знала: как следует?

Когда они учились в девятом классе, Генка как-то при расставании попытался прикоснуться губами к её щеке. Люба тогда оттолкнула его и убежала. После этого Генка несколько дней боялся глянуть в её сторону и избегал разговоров. Потом эта неловкость между ними сгладилась, и они снова проводили время вместе, но держали дистанцию, называемую среди молодёжи «пионерским расстоянием».

На следующее лето Люба с мамой собирались поехать в Москву, но в столице начались Олимпийские игры, и въезд туда во второй половине июля и в начале августа был ограничен, и они поехали в Иркутск к маминной подруге и на Байкал. А когда вернулись, Любе предложили подменить на время отпуска санитарку в фельдшерско-акушерском пункте. Генка всё это время был своей занят работой на катере, и они почти не виделись.

После десятого класса Люба поступила в медицинское училище в Тайшетграде, а вот Генка почему-то передумал ехать в Красноярск. Летом работал матросом на катере, зимой — подсобным рабочим на верхнем складе сплавконторы. В мае 1982 года его призвали в армию. Он, было видно, с нетерпением ждал этого призыва и уезжал служить с хорошим настроением.

В тот день, когда Генка, вместе с другими новобранцами, уезжал на восток с перрона тайшетградского вокзала, Люба отпросилась от занятий в училище и пришла его проводить. Вот тогда Генка сделал попытку поцеловать её во второй раз, и Люба этому не сопротивлялась. Да и никто не сопротивлялся. Генка обнимал и целовал всех односельчан и знакомых. Он обнял и поцеловал Любу точно так же, как и других девчонку-одноклассниц, как и своих сестрёнку и мать.

Два года он писал ей письма, присылал фотографии. О любви в письмах ничего не было. Генка рассказывал о друзьях, о службе, о работе. Он приехал ненадолго в июне 1984 года, когда Люба уже работала в фельдшерско-акушерском пункте станции Бирюсинка. И тогда, в 1984 году, судьба Любы могла сделать поворот. Генка звал её с собой. Он рассказывал о том, что скоро получит в Тынде благоустроенную квартиру, что строители Байкало-Амурской магистрали вот-вот соединят восточный участок с западным и будет уложено «золотое звено».

— Представляешь: мы в центре события века! Мы завершаем небывалое в мире строительство! И я — участник этих событий! Я строил эту магистраль! Понимаешь? Мы будем жить в столице БАМА! И тебе там найдётся работа! Там нужны медработники в новую железнодорожную больницу!

Генку было не узнать. Это был уже не тот нерешительный паренёк-школьник и даже не жаждущий прокатиться на катере юноша. Это был другой человек: целеустремлённый, с горящим взглядом, с верой в себя, в своё будущее.

И Люба бы, наверное, не устояла перед его решимостью, перед его верой и его напором, но...

Но она не могла тогда поехать с ним. Как не смогла осуществить свою давнюю мечту — побывать в Москве. В лето 1984 года сильно заболела и слегла её мама. Болезнь Катерины Петровны расстроила поездку Любы в Москву, и она, конечно же, не поехала с Генкой.

— Ты как та Любаша из фильма про Ивана Бровкина. Он зовёт её с собой на целину, а она не едет... — говорила ей потом мама, печально улыбаясь.

— Нет, мама, я не та Любаша — дочь председателя колхоза, которую отец не пускает. Я — Любава, у которой мама сильно болеет...

— Эх, доченька, из-за меня, из-за моей болезни и в Москву ты не уехала и, может быть, счастье своё упустила... — вздыхала тогда Катерина Петровна.

Генка ещё дважды приезжал в Бирюсинку.

Осенью 1985 года, когда страна говорила о перестройке и казалось, что скоро наступит новая счастливая жизнь, он снова звал её с собой. Говорил, что получил однокомнатную квартиру с большой, просторной кухней, на которой пусто без хозяйки; что он выучился на помощника машиниста тепловоза и теперь формирует на станции Тында грузовые составы; что он готов забрать Любу вместе с её мамой.

— Комната у меня большая, места троим хватит. А если узнают, что я ещё и тещу привёз, то двухкомнатную квартиру сразу дадут.

И хотя Катерине Петровне в то время было полгече, на переезд они не решились.

— Да куда же я, Любава, от родных мест поеду? — то ли спрашивала Любу, то ли размышляла сама с собой Катерина Петровна. — Тут и родители мои похоронены. Тут и моё место рядом с ними... А если вдруг отец твой приедет, где он нас искать будет? А ты езжай, если любишь... Я проживу одна... Дмитрий Алексеевич, начальник станции наш, слава Богу, заботится обо мне... Помогает чем может, добрый человек... Езжай, не теряй своего счастья. А если что со мной, то тебе сообщат...

— Да что ты, мама? Куда я от тебя? Бирюсинка и моё родное место, и я отсюда, как и ты, — никуда! И Генка снова уехал один.

Любила ли Люба его? Да, она порой испытывала к нему интерес, думала о нём, но не больше. Он не был рыцарем её сердца, и, скорее всего, это и стало главным, когда Люба принимала решение.

Через два года Генка женился. Времена тогда уже были другими. Радужные мечты о новой счастливой жизни разбились о суровую реальность всеобщего переустройства. Закрывшие предприятия, сокращение рабочих мест сказывались на жизни всей страны. Байкало-Амурскую магистраль, в строительство которой было вложено немало денежных средств и энтузиазма людей, посчитали нерентабельной и многие работы остановили. Люди стали уезжать с БАМА. Генка на своей работе удержался и остался в Тынде. В Бирюсинку, вместе с женой и двумя детьми, он приезжал в середине девяностых. Выбрав время, он пришёл к ней в ФАП, и они поговорили.

И это снова был другой человек: взвешенный, рассудительный, мечтающий накопить денег и уехать жить с семьёй к морю.

4.

И ещё раз судьба испытала её в канун нового тысячелетия. Тогда уже не было в живых мамы. На базе железнодорожной больницы проходил семинар медработников, куда пригласили и медперсонал ФАПов. С работой больницы Тайшетградского отделения знакомил всех сорокалетний врач-терапевт. Небольшого роста, черноволосый, улыбочивый человек расположил к себе всех лёгкостью общения. Он рассказывал просто, умно и доходчиво. Много шутил, задавал вопросы и, когда возникала пауза, сам же отвечал. Люба, как и другие женщины, прониклась к нему симпатией. И не без взаимности. К концу работы семинара она заметила, что врач-терапевт по имени Геннадий Васильевич выделяет её среди других. Он предложил подвезти её на своих «Жигулях» до вокзала, а потом пригласил поужинать в ресторане. Она согласилась.

Второй в её жизни Геннадий оказался вдовцом. Он воспитывал двенадцатилетнюю дочь и жил в частном доме, доставшемся ему от родителей. Они стали встречаться. Люба подружилась с его

дочерью Галей, Галкой, как звал её отец. Два раза Геннадий, Люба и Галка ездили на «Жигулях» отдыхать на пляж речки Тайшетки, а потом Геннадий подвозил Любу к электричке. Он рвался доставить её до Бирюсинки, до её дома, но Люба не торопила события и не хотела, чтобы про Геннадия Васильевича узнали её соседи и знакомые.

Половину лета и всю осень продолжались их встречи в Тайшетграде, а в начале декабря Геннадий сказал ей, что ему предлагают переехать в Иркутск и стать главным врачом городской больницы.

Гена-второй, как и Гена-первый, поставил её перед выбором.

И она снова отказалась. И снова получала письма. Правда, от Геннадия Васильевича их было всего два.

В первом он писал о своей жизни на новом месте, о новой квартире, расположенной недалеко от реки Ангары и железнодорожного вокзала. И если Генка Васильев описывал ей кухню, то Геннадий Васильевич делал упор на спальню, куда собирался купить новую широкую деревянную кровать...

А во втором письме, через полгода после отъезда его в Иркутск, он написал, что время идёт, жизнь проходит, ждать и на что-то надеяться он уже не хочет и поэтому делает выбор — находит утешение в том, что есть рядом, а если точнее, то предлагает руку и сердце другой женщине.

5.

Люба присела на скамейку в конце платформы. Воспоминания не отпускали её. Торопившийся в столицу поезд из Тынды уже грохотал по мосту, Люба посмотрела на часы — до начала работы оставалось полчаса, и она решила посидеть на перроне ещё минут десять.

Она думала о любви. Есть ли она, любовь, на самом деле, или это выдумки поэтов? Может, это просто фантазии молодых девушек, мечтающих о романтических отношениях с героями, рыцарями, принцами? Может быть, любовью люди называют любые влечения, заложенные в них природой, а инстинкт продолжения рода принимают за чувства?

Ведь мог, мог же на месте Генки Васильева оказаться другой парень, оказывающий ей знаки внимания. И не исключено, что она бы подружилась

с ним, как с Генкой. Если представить, что Генки Васильева не было на свете вообще, а был бы, к примеру, какой-нибудь Вася или Ваня, которому она бы понравилась, и понравилась только потому, что оказалась рядом, училась с ним в одном классе, то, наверное, она бы относилась к Васе или Ване точно так же, как и к Генке. А если бы Геннадий Васильевич не обратил тогда на семинаре медработников внимание на неё? И если бы вообще не она, а вместо неё другая незамужняя женщина-фельдшер, из другого фапа приехала тогда на семинар медработников, то вполне можно допустить, что врач-терапевт симпатизировал бы ей и у них могли бы завязаться отношения...

«А про меня он бы и не узнал совсем... А как бы узнал, если бы не видел?»

Она удивилась тому, что только сейчас, здесь, на перроне станции Бирюсинка, сидя на скамеечке, поняла вдруг про случайно-неслучайное сходство — Генка Васильев и Геннадий Васильевич!

Интересно, а как звали того парня, которого она встречала дважды на вокзале в Тайшетграде: в ноябре 1978 года и летом 1980-го?

Когда они встретились во второй раз, столкнувшись у газетного киоска, он спросил: «Мы с вами знакомы?» — «Может быть...» — ответила она.

Узнал ли он её?

Она вспомнила и узнала его сразу, несмотря на то, что после первой их встречи там же, на вокзале, прошло больше двух лет. Тогда он был в солдатской форме: в шинели с погонами, в шапке. Но это был он! И он, было видно, тоже вспомнил, что видел её где-то, но где именно, наверное, не догадался. Она повзрослела, и он, скорее всего, не узнал в ней ту девчонку-восьмиклассницу, с которой разговаривал в ноябре 1978 года. И точно не узнал её позже, когда они с мамой ехали в Иркутск.

Они сели в Тайшеттграде в тот же поезд, в котором ехал он. Он проходил через их вагон и снова был в форме — на этот раз в куртке студента-проводника. Он шёл не один, а с друзьями: двумя парнями в таких же куртках и девушкой-красавицей с длинной пшеничной косой.

Люба читала книжку, когда по вагону проходила весёлая шумная компания. Она посмотрела на проходящих и узнала среди них его.

Но он не посмотрел в её сторону.